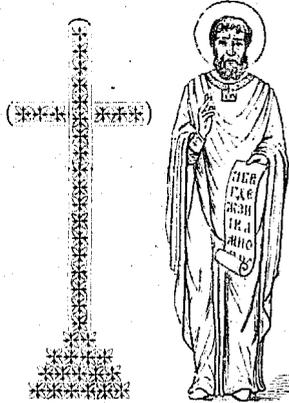

АСТРАХАНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ГОДЪ
XXXVI-й

Астраханскія Епархіяльныя Вѣдомости выходятъ 2 раза въ мѣсяць 1 и 16 чисель въ размѣрѣ 3 печатныхъ листовъ.

ГОДЪ
XXXVI-й

Подписка принимается въ редакціи Астраханскихъ Епархіяльных Вѣдомостей въ духовномъ училищѣ. Подписная цѣна 6 руб. Печатаніе объявленій по особому соглашенію.

1 Мая

№ 9-й.

1910 года

ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ

Государь Императоръ, 9 апрѣля сего года, Высочайше утвердить соизволилъ всеподданнѣйшій докладъ Святѣйшаго Синода о *бытїи* состоящему въ С.-Петербургѣ на чредѣ священнослуженія и проповѣди слова Божїя, настоятелю Покрово-Болдинскаго монастыря, Астраханской епархіи, *архимандриту* Митрофану, епископомъ *Елецкимъ*, викаріемъ Орловской епархіи, съ производствомъ посвященія его въ епископскій санъ въ С.-Петербургѣ.

Государь Императоръ, 9 апрѣля сего года, Высочайше утвердить соизволилъ всеподданнѣйшій докладъ Святѣйшаго Синода *объ увольненїи* викарія *Донской епархіи*, преосвященнаго *Аксайскаго* *Іоанна*, по преклонности лѣтъ и слабости здоровья, на покой, а указомъ Святѣйшаго Синода, отъ 21 апрѣля за № 5562, *мѣстопробываніе* преосвященному *Іоанну* назначено въ Покрово-Болдинскомъ необщезительномъ монастырѣ Астраханской епархіи, съ возложеніемъ на него и управленія симъ монастыремъ, на правахъ настоятеля.

Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству, отъ 22 марта 1910 г. за № 16, произведенъ, за выслугу лѣтъ, въ *коллежскіе регистраторы* экономъ Астраханской духовной семинаріи **Васильевъ**, со старшинствомъ, съ 25 октября 1909 г.

По случаю освященія 11 м. апрѣля плавающей на водахъ церкви, г. Астраханскимъ Губернаторомъ того же дня была отправлена слѣдующая всеподданнѣйшая телеграмма:

„Царское село. Его Императорскому Величеству. Ловецкое населеніе Астраханской губерніи, работая вдаль отъ своихъ поселковъ въ Каспійскомъ морѣ и дельтѣ Волги, вслѣдствіе удаленности церковей, бываетъ надолго лишено возможности молиться въ храмъ Божіемъ и выполнять духовныя требы. Въ постоянныхъ заботахъ объ удовлетвореніи религиозныхъ нуждъ своей паствы, Епископъ Астраханскій и Енонтаевскій, Преосвященный Георгій пришелъ на помощь сему дѣлу, и личными заботами и неустаннымъ руководствомъ его создана и сегодня освящена плавающая церковь во имя Святителя Николая Чудотворца. Вознеся въ семь храмъ горячія мольбы ко Всевышнему о здравіи и благоденствіи Вашего Императорскаго Величества и всей Августѣйшей Семьи Вашей, Епископъ Георгій, представители мѣстной власти, города и ловецкаго населенія просятъ меня повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества чувства ихъ безпредѣльной любви и непоколебимой преданности. Почитая счастьемъ всеподданнѣйше донести Вашему Императорскому Величеству о столь отрадномъ, въ духовной жизни вѣреннаго мнѣ населенія, событія, всеподданнѣйше докладываю, что средствами для приобрѣтенія парохода и устройства на немъ храма послужили добротныя пожертвованія частныхъ лицъ и мѣстныхъ монастырей, а также ассигнованіе для сей цѣли шести тысячъ рублей Комитетомъ Каспійско-Волжскихъ рыбныхъ и тюленыхъ промысловъ. Храмъ помѣщается въ носовой части парохода, увѣнчанъ пятиглавымъ куполомъ и вмѣщаетъ до 200 молящихся. Кормовая часть удѣлена причту, столовой для богомольцевъ и фельдшерскому покою для подавія первоначальной врачевной помощи ловцамъ. На страстной недѣлѣ плавающей храмъ слѣдуетъ въ море. Губернаторъ, Генералъ-Лейтенантъ **Осиповскій**“.

Канцелярія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, отношеніемъ на имя г. Губернатора, отъ 12 апрѣля за № 2445, увѣдомила, что на помянутой всеподданнѣйшей телеграммѣ съ выраженіемъ вѣрноподданическихъ чувствъ ловецкаго населенія Государь Императоръ Собственноручно начертать соизвоилъ: „*Искренно радуюсь доброму дѣлу удовлетворенія духовныхъ нуждъ ловецкаго населенія и благодарю всѣхъ за выраженныя чувства*“.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

1) Перемѣны по службѣ.

Утвержденъ въ должности церковнаго старосты Николаевской церкви села Ново-Никольскаго, Царев. у., крестьянинъ Василій Меляковъ, 27 апрѣля.

Уволены: а) за штатъ, согласно прошенія, по преклонности лѣтъ, священникъ села Сасыколей, Енотаев. уѣзда, Александръ Добронравовъ, 26 апрѣля.

б) за штатъ, согласно прошенія, по домашнимъ обстоятельствамъ, діаконъ села Чагана, Астраханскаго уѣзда, Василій Монаковъ, 10 апрѣля.

в) отъ должностей церковныхъ старостъ: села Элиста, Черноярскаго уѣзда, крестьянинъ Теодоръ Вѣткаловъ, согласно прошенія, по домашнимъ обстоятельствамъ, 26 апрѣля; села Киши, Чернояр. уѣзда, Иванъ Селезневъ, согласно прошенія, по болѣзненному состоянию, 21 апрѣля.

2) Праздныя мѣста.

Наименованіе мѣстъ	По штату положено			Домъ для подлекачаго лицъ.	Жалованье		Земли для причта		Прахжанъ православн. обою пола	Раскольник. обою пола	Разстояніе верстъ отъ Губер. гор.
	Свщч.	Діак.	Псал.		Казен.	Общ.	Пахат.	Сѣнок.			
Священническія.											
Кладбищенской въ гор. Астрахани церкви	5	1	5	Цер.	—	—	—	—	—	—	—
С. Болхунъ-Сала, Чер. уѣз.	1	—	1	Общ.	300 р	300 р	99 д.	—	1035	—	300
С. Уланъ-Эрге, Чернояр. уѣзда	1	—	1	Общ.	300	200 р	99 д.	Пах. п сѣн.	906	—	250
С. Верхне-Погромномъ, Царев. уѣз.	2	1	2	Сторѣжн	300 р.	—	33 д.	81 д.	5596	135	455
С. Сасыколяхъ, Енот. уѣз.	2	1	2	Общ.	187 р. 20 к.	—	—	198 д на 2 прич.	3915	—	186
Діаконскія.											
С. Чапурникахъ, Черн. уѣз.	1	1	1	Общ.	150 р.	—	49 1/2 д.	пах. п сѣн.	2052	359	375
С. Плодовитомъ, Черн. у.	1	1	1	Общ.	—	42 р.	96 д.	пах. п сѣн.	2829	—	392
С. Чаганъ, Астрах. уѣз. .	2	1	2	Общ.	26 р. 78 к.	—	—	66 д.	2351	—	20
С. Марѣинъ, Красн. уѣз.	2	1	2	Цер.	—	—	—	30 д. п 295 д. 22 с. по удобн.	3742	—	70
Псаломщическія.											
Казанской цер., г. Астрах.	4	1	4	Цер.	—	—	—	—	2263	—	—
С. Средне-Ахтубин. Троиц. церк., Царев. уѣз. . . .	3	1	3	Общ.	100 р	—	66 д.	66 д. на два причт.	9025	—	421

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ

Какъ учатъ баптисты и что они говорятъ на бесѣдахъ.

„Грѣшники исключаются и лишаются правъ членова посредствомъ обыкновеннаго голосованія“. И это выдумка баптистовъ. Гдѣ есть указанія Слова Божія, что право отлученія грѣшниковъ представлено общинѣ вѣрующихъ? Ап. Павелъ отлучилъ коринскаго кровосмѣсника развѣ посредствомъ голосованія (1—Коринт. 5, 1—5)? Развѣ съ совѣта и голосованія общины тотъ же апостолъ отлучалъ Именея и Александра, чтобы они научились не богохульствовать (1—Тимот. 1, 20)? Нѣтъ, право отлученія принадлежало и принадлежитъ только апостоламъ и ихъ преемникамъ-епископамъ, а не общинѣ. Титу ап. Павелъ писалъ: *«еретика (пераскаяннаго грѣшника), послѣ перваго и втораго вразумленія, отверщайся», зная что таковой развратился и грѣшитъ будучи самоосужденъ* (3 гл. 10—11 ст.).

Вторичное принятіе исключеннаго бываетъ, какъ всякое другое: принятіе по испытаніи и исповѣданіи грѣховъ предъ общиною. Исключенные изъ общины (отлученные за грѣхи), по ученію баптистовъ, могутъ быть приняты снова послѣ раскаянія и исповѣди предъ общиною. Но что можно баптистамъ, то запрещается православнымъ. Всегда огъ ихъ слышимъ: ваши православные, надѣясь на священника и исповѣдь, ведутъ грѣховную жизнь: пьянствуютъ, воруютъ и т. п... Ну, а баптисты развѣ не надѣются, что община проститъ согрѣшающаго брата и снова приметъ его? Развѣ баптисты не согрѣшаютъ послѣ исповѣди и принятія? Упущенному эти строки извѣстные случаи неоднократнаго отлученія баптистами своихъ членовъ за одни и тѣ же пороки и обратнаго принятія ихъ въ число общины. Если баптисты отличаются слабостію, какъ и всѣ люди, склонны ко грѣхамъ, да и повинны въ нихъ, то почему они такъ строго и судомъ неправеднымъ судятъ православныхъ? Не позабыли-ли они словъ Христа: врачъ! исцѣли самого себя (Лук. 4, 23)? А исцѣленія, небесной помощи требуютъ и баптисты.

Скоро пройдет слава о святости баптистовъ и время уже показываетъ что грѣхъ пребываетъ въ ихъ святой общинѣ и царствуетъ надъ ихъ смертными тѣлами. Вѣдь въ сѣти ихъ маскательныхъ рѣчей попадаются совершенно не знакомые съ ними, тѣмъ болѣе съ ихъ скрытой, внутренней стороной жизни. Православные, живущіе въ сосѣдствѣ съ баптистами и присмотрѣвшіеся къ нимъ, по достоинству взвѣсили и оцѣнили фарисейство святыхъ людей—баптистовъ. Близко стоящіе къ нимъ, даже другіе сектанты, вотъ что говорятъ. Сообщаю случаи изъ жизни баптистовъ. Извѣстныя требованія скромности и приличія не позволяютъ поименовывать лицъ и указывать ихъ фамилій. Пусть, читающій эту замѣтку, не сомнѣвается въ справедливости сообщаемого ниже, ибо истину говорю, не лгу. Эти случаи были засвидѣтельствованы: или самими баптистами при публичномъ отлученіи своихъ членовъ за указываемые пороки, или православными, избличившими баптистовъ при многихъ свидѣтеляхъ. Вотъ они.

Баптистъ укралъ овецъ у православнаго и, перемѣтивъ ихъ, держалъ у себя два года. Уличенный въ воровствѣ, онъ былъ прощенъ и не отданъ суду.

У торговца-баптиста покупатель-баптистъ въ лавкѣ похитилъ какую-то вещь. Начался обыскъ при свидѣтеляхъ. Православные, находящіеся при этомъ, спросили: „за что-же святой обыскиваетъ святого“? Необходимость побудила баптиста торговца засвидѣтельствовать о воровствѣ своего „святаго“ брата.

За блудодѣяніе были отлучены отецъ съ сыномъ. На вопросъ: за что они были отлучены, баптисты заявили, „что они того-де и стоятъ“.

Двухъ баптистовъ не разъ и не два отлучали за пьянство и снова принимали. Одинъ изъ нихъ все таки любитъ на бесѣдахъ указывать на пороки православныхъ и, что удивительно, именно на пьянство. Характерное признаніе одного баптиста яснѣе всего говоритъ о внутренней (закулисной) жизни баптистовъ. Выпивши вина, онъ потребовалъ дюжину пива. На замѣчаніе православныхъ, что баптисты вѣдь не пьянствуютъ, онъ отвѣтилъ: „мы днемъ баптисты, а ночью поучимъ православныхъ“. Собрались какъ-то баптисты отлучить за пьянство своего члена, человѣка смѣлаго и рѣшительнаго. На совѣщаніе общины послѣдній отвѣтилъ вызовомъ: „попробуйте отлучить, тогда я все

разкажу православнымъ про своихъ братьевъ“. И что же? Поговорили, потолковали и... конечно, не отлучили. Очевидно, что разоблаченія его были бы далеко не въ пользу „святыхъ“ баптистовъ

Извѣстно, что баптисты допускаютъ до крещенія тѣхъ, кто, по ихъ мнѣнію, будетъ способенъ молиться отъ сердца. Въ этомъ случаѣ они говорятъ, что Самъ Духъ Святой научаетъ его и, слѣдовательно, пребываетъ въ молящемся. Это служитъ имъ несомнѣннымъ признакомъ возрожденія отъ Бога. Таковыхъ они погружаютъ, или принимаютъ въ число вѣрующихъ. Одинъ отецъ-баптистъ изъ-за сожалѣнія къ своей дочери и опасенія оставить ее безъ крещенія составилъ молитвы, которыя дочь заучила. На собраніи она молилась лучше другихъ, чѣмъ удивила присутствующихъ (ей было около 12 лѣтъ). Всѣ сочли ее просвѣщенной, увѣровавшей и крестили ее. Чѣмъ же все это окончилось? Баптисты узнали продѣлку отца, введшаго «святую» общину ихъ въ заблужденіе, и отлучили его.

Обращеніе къ вѣрѣ баптисты считаютъ дѣломъ исключительно Божиимъ. Тогда зачѣмъ же слушать православныхъ? Одному собираютъ сѣмяна на посѣвъ, другому сдаютъ лучшую землю, но по дешевой цѣнѣ, лишь-бы они соблазнились и, оставивши православіе, присоединились къ ихъ общинѣ.

Баптистъ купилъ корову у православнаго, не давъ даже задатку. Православный повѣрилъ совѣсти и честности баптиста. Прошло кажется, около двухъ недѣль. Оказалось, по какимъ то соображеніямъ, корова была возвращена ея прежнему владѣльцу. Баптистамъ должно быть, какъ «дѣтямъ божіимъ», можно и не грѣшно торговать и кривить совѣстію и въ то же время оставаться „святыми“. Достаточно сказаннаго. Про другіе, болѣе крупныя недостатки (есть за ними и такіе!), мы не упоминаемъ, ибо цѣль наша не перечислять всѣхъ погрѣшностей баптистовъ и тѣмъ унижать ихъ (избави насъ Богъ отъ этого!), нѣтъ, наша цѣль раскрыть и обнаружить ложь баптистовъ, обличить ихъ сожженную совѣсть, православныхъ же предостеречь отъ льстивыхъ, чисто фарисейскихъ, рѣчей баптистовъ о мнимой ихъ святости. Ранѣе баптисты отлучали за всякое нарушеніе постановленій своихъ и евангельскихъ, теперь же жизнь свидѣтельствуетъ, что примѣнять частыя отлученія слишкомъ рискованно, ибо многіе изъ членовъ общины повинны въ грѣхахъ. Вотъ почему баптисты, какъ сказано въ ихъ

вѣроученіи, стали терпѣть въ своей общинѣ лицъ, кои бываютъ виновны въ многократно повторяемыхъ грѣхахъ, которые вызываютъ явный тяжелый соблазнъ въ другихъ. Случаи отлученія рѣдки могутъ быть и потому, что увеличивающаяся преступность среди баптистовъ развиваетъ хитрость и желаніе замести слѣды своихъ преступленій и поступковъ. Грѣшатъ баптисты или компаніей (ярмарки, базары), или одиночно. Въ первомъ случаѣ общее участіе служить порукой укрывательства, въ другомъ—отсутствіе своихъ братьевъ—развязываетъ руки баптисту.

Но могутъ возразить, что дѣла баптистовъ явны, ибо раскрываются на исповѣди предъ общиной. Да, если это и было, то давно, теперь же вотъ что. Одна женщина на публичной исповѣди призналась въ преступной связи съ другимъ. Какъ отнеслась къ этому община, намъ нѣтъ интереса, но покаившаяся была избита своимъ мужемъ. Какъ признаться баптисту въ воровствѣ, когда не свои, такъ другіе, могутъ донести начальству? Стыдъ предъ другимъ, семейная неприятность, неприятность быть привлеченнымъ къ отвѣту, заставляютъ баптистовъ или раскаиваться только въ мелочахъ, умалчивая о грѣхахъ смертныхъ, или прибѣгать къ слѣдующему средству.

Отъ исповѣдующаго свои грѣхи предъ общиной каждый можетъ услышать на собраніи только одно: *„Сладчайшій, Господь Мой! Ты, Господь Мой, пролилъ, Господь Мой Иисусъ (начинается всхлипываніе), Свою драгоценную Кровь, Господь Мой, на крестъ, а я, Господь Мой (начинается плачъ и утираніе слезъ, конечно принужденныхъ и выдавленныхъ насильно), согрѣшила, преступила Твои, Господь Мой Иисусъ, заповѣди, я нарушила, Господь Мой“*; и такъ далѣе. Слѣдуетъ какое-то нанизываніе словъ *„согрѣшила, преступила, нарушила, Господь Мой“*, а что именно, остается неизвѣстнымъ. Вотъ важъ и публичная исповѣдь кающагося баптиста или баптистки!

На основаніи какихъ мѣсть Слова Божія баптисты утверждаютъ, что исповѣдь должна быть предъ общиной? Гдѣ, гѣмъ, когда дана власть общинѣ разрѣшать отъ грѣха и связывать? Такихъ мѣсть нѣтъ, а есть вотъ что. Иисусъ Христосъ сказалъ ап. Петру, а потомъ и всѣмъ апостоламъ: *„что вы свяжете на землѣ, то будетъ связано на небѣ; и что разрѣшите на землѣ, то будетъ разрѣшено на небѣ“* (Мѡ. 18, 18). По воскресеніи Своемъ Иисусъ Христосъ далъ это право апостоламъ, т. е. власть прощать и не прощать грѣхи кающихся, когда

сказалъ, дунувъ на нихъ: *«примите Духа Святаго. Кому простите грѣхи, тому простятся, на комъ оставите, на томъ останутся»* (Іоан. 20, 22—23). Теперь спросимъ баптистовъ: кому же принадлежали власть и право разрѣшать и прощать грѣхи, а также связывать и не оставлять, т. е., не прощать, апостоламъ или общинѣ? Къ апостоламъ многіе изъ увѣровавшихъ приходили и исповѣдывали и открывали дѣла свои, но не предъ общиной (Дѣян. 19, 18). Ап. Павелъ, но не община, связалъ и удержалъ грѣхъ коринѣскаго кровосмѣсника, грѣхъ Именея и Александра (1—Корин. 5, 1—5; 1—Тимоф. 1, 20). Мы видѣли выше, что апостолы свои права и власть передали своимъ преемникамъ-епископамъ и пастырямъ, слѣдовательно, они одни имѣютъ право исповѣдывать, и отпускать грѣхи, и удерживать ихъ. Желая оспаривать права священно-служителей разрѣшать грѣхи, баптисты впадаютъ въ противорѣчіе. Они говорятъ, что прощать грѣхи можетъ только Одинъ Богъ, но не люди. Если такъ, то для чего баптисты ввели у себя публичную исповѣдь предъ общиной, если люди не могутъ прощать грѣховъ? Вѣдь ап. Павелъ, отлучивъ коринѣскаго кровосмѣсника, тѣмъ самымъ удержалъ, не простилъ ему грѣха, а, принявши снова въ общеніе (2 Корин. 2, 1—10), разрѣшилъ или простилъ грѣхъ его. Баптисты, отлучая своихъ порочныхъ членовъ, удерживать на нихъ грѣхи, принимая снова, разрѣшаютъ отъ грѣха. Какъ же они говорятъ, что только Одинъ Богъ можетъ прощать грѣхи, когда сами разрѣшаютъ и связываютъ? Если Богъ Одинъ отпускаетъ грѣхи, то пусть баптисты предъ Нимъ только и каются, а не предъ людьми, почему и слѣдовало бы имъ свою выдуманную публичную исповѣдь предъ общиной уничтожить. И здѣсь баптисты все измѣряютъ своимъ аршиномъ: *«намъ-де можно выслушивать исповѣдь и удерживать грѣхи»*, а православнымъ священникамъ нельзя. Нѣтъ, община баптистовъ незаконно присвоила себѣ это право, дарованное однимъ только священно-служителямъ и строителямъ тайнъ Божіихъ. Послѣдніе отпускаютъ и удерживаютъ грѣхи не своею силою и властію, не отъ своего лица, но отъ лица и имени Божія, властію, данною имъ чрезъ рукоположеніе.

Въ заключеніе этого отдѣла сдѣлаемъ маленькое сравненіе. Въ одномъ приходѣ насчитывается 60 баптистовъ, изъ которыхъ, что достоверно извѣстно, 12 человекъ были замѣчены въ мелкихъ и крупныхъ грѣшкахъ. Если изъ 60-порочныхъ 12, т. е., пятая часть, то изъ

100 ихъ 20 человекъ, т. е., пятая же часть. Что же удивительнаго, если и среди православныхъ такое же количество страдающихъ тѣмъ или инымъ недостаткомъ? Чѣмъ баптисты превозносятся? Если православные и выдѣляются, то благодаря своей многочисленности въ сравненіи съ баптистами, да потому, что не скрываютъ своихъ недостатковъ предъ людьми. О послѣднемъ баптисты стараются болѣе всего и скрываютъ свои грѣхи лишь отъ людей, но не отъ Бога. Поистинѣ каждому баптисту можно сказать словами Иисуса Христа: *«фарисей-баптиста, очистись!»* „По наружности ты кажешься красивымъ, а внутри исполненъ лицемерія и беззаконія, очисти прежде внутренность свою, т. е., сердце и душу, что бы чиста была и вѣнность твоя“ (Мѡ. 23, 25—28). Если баптисты говорятъ, что они не согрѣшаютъ, то, по ученію апостола, истины нѣтъ въ нихъ, ибо всѣ люди много согрѣшаютъ (1—Іоан. 1, 8). Въ комъ нѣтъ истины, тотъ исполненъ лжи и неправды, а ложь и неправда отъ діавола, который лжець и отецъ лжи! (Іоан. 8, 44). Все это твердо запомните, православные!

(Продолженіе будетъ).

Священникъ *Алексій Луцкій.*

Въ защиту церковно-славянскаго языка.

VII.

Въ какому заключенію приводитъ признаніе недостатковъ въ постановкѣ славянскаго языка. Имѣетъ ли онъ значеніе въ образовательномъ отношеніи. Характеръ дѣятельности учителей, какъ причина отрицанія славянскаго языка. Опасность одностороннихъ взглядовъ на славянскій языкъ. Замѣчанія о его значеніи для среднихъ учебныхъ заведеній.

То, что читаютъ въ школахъ и что должны читать, и то, какъ читаютъ въ школахъ и какъ должны читать, словомъ-то, что даютъ дѣтямъ и то, что должны бы давать,—далеко отстоитъ одно отъ другого въ современной школахъ. Это различіе между должнымъ и дѣйствительно существующимъ чтеніемъ послavianски, если и не всеми понимается, то многими, какъ мы видѣли, чувствуется. Оно невольно замѣчается даже тѣми, кто чуждаго ему на-

строения и иного направления, и дастъ имъ основаніе отрицать пользу изученія славянскаго языка въ школѣ. И вотъ въ недостаткахъ преподаванія и лежитъ одна изъ причинъ недовольства славянекимъ языкомъ. И хотя это нелогично, но недовольство постановкою предмета ведетъ къ отрицанію самого предмета. А тѣ, кто старается защищать современное положеніе въ школѣ славянскаго языка, какъ нормальное, и даютъ поводъ доказывать, что онъ и не можетъ быть полезень, что это безжизненная и мертвая учеба и ее нужно устранить изъ школы. Вотъ почему я и долженъ былъ указать крайнимъ защитникамъ славянскаго языка, что въ его преподаваніи не все обстоитъ благополучно. Теперь же долженъ доказать, что это не даетъ еще права и для выводовъ ихъ противниковъ.

Они аргументируютъ такъ: „Полезень былъ бы славянскій языкъ при тѣхъ условіяхъ, какихъ теперь уже нѣтъ: при умѣломъ преподаваніи, при живомъ отношеніи къ дѣлу, при соотвѣтствіи личнаго настроенія учителя тому, что онъ преподаетъ, и тому, какъ онъ долженъ вести занятія. Но этого-то и нѣтъ. Безжизненное преподаваніе славянскаго языка, какое водворилось въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ и заставляетъ желать изыятія его изъ всѣхъ школъ. Это — тяжелый, трудный языкъ. Съ нимъ преподаваніе не можетъ, какъ доказываютъ факты, справиться, и оно, поэтому по необходимости, мертвое, схоластичное, да и не можетъ быть инымъ“.

Мы уже упоминали, что это возраженіе не по существу, и обусловлено не самимъ—по себѣ предметомъ, а отношеніемъ къ нему учителей, какъ преподавателей, и суждеіи о немъ—его враговъ. Пользуясь этимъ доводомъ, можно отрицать значеніе какого—угодно предмета школьнаго курса. Если такъ судить, то, напр., и естествовѣдѣніе придется уничтожить въ школахъ: какъ часто усвоеніе названій признаковъ растений и животныхъ по учебнику замѣняетъ разсмотрѣніе, когда возможно, живыхъ экземпляровъ или препаратовъ, или хотя бы хорошихъ рисунковъ, чтобы возсоздать живой образъ и дѣти имѣли бы конкретное представленіе, о чемъ говорятъ: по не замѣняетъ ли часто въ школахъ заучиваніе номенклатуры наглядное представленіе? И вотъ живой предметъ очень и очень часто дѣлаютъ предметомъ тяжелаго и мертваго заучиванія сухихъ страницъ учебника. Что же: значить не нужно этого предмета? Изгонимъ его изъ школы? А физика—не состоитъ ли

она у многихъ преподавателей изъ усвоенія учебника, при помощи только рисунковъ въ немъ, вмѣсто опытовъ и вывода изъ нихъ тѣхъ или другихъ законовъ явленій? Вмѣсто работы надъ машиной, надъ приборомъ—только описаніе способовъ дѣятельности силъ природы. Довольно часто даже безъ объясненій учителя—заучиваніе учебника. Значитъ вонъ и физику... Сколько разъ мнѣ приходилось наблюдать въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, что изученіе русской литературы ограничивалось заучиваніемъ правилъ поэзіи, или усвоеніемъ по учебнику содержанія и разборовъ поэтическихъ произведеній безъ ихъ чтенія учащимися, безъ личной работы надъ ними. Предметъ высокаго интереса, воспитывающій воображеніе и чувство, развивающій мысль, дающій міровоззрѣніе, ставалъ бесплоднымъ, безжизненнымъ, тяжелымъ для молодежи. Значитъ—и литературу изъ учебныхъ заведеній... И географію нужно удалить, ибо ея изученіе еще чаще, почти всегда, состоитъ изъ номенклатуры рѣкъ, городовъ, озеръ и странъ, а живого описанія страны, какъ мѣста жизни и дѣятельности человѣка, нагляднаго выясненія условій взаимодѣйствія между природой и человѣкомъ, указанія, какъ живетъ въ данной мѣстности человѣкъ и какъ пользуется ею и почему такъ складывается, въ связи съ природой, его жизнь,—ничего этого большею частью нѣтъ. Нѣтъ даже такого описанія изучаемыхъ мѣстностей, что давало бы живые картины, заняло бы воображеніе, заинтересовало бы вниманіе дѣтей, и вотъ—живой предметъ станеть предметомъ школьнаго зубренія. Значитъ и онъ не нуженъ? И т. д., и т. д. Но—нѣтъ. Относительно всѣхъ этихъ предметовъ говорятъ, что ихъ слѣдуетъ изучать. Только преподаваніе ихъ нужно поставить правильнѣе, чтобы оно давало настоящія знанія, а не фикцію, чтобы дѣти съ охотою и пользою для своего духовнаго развитія изучали ихъ. Но не слѣдуетъ ли это сказать и о преподаваніи славянскаго языка, если только его изученіе полезно по самому его существу? А мы, надѣемся, доказали важное значеніе языка православной церкви для русскаго народа. Слѣдовательно, выводъ отсюда можетъ быть только одинъ: необходимо его изучать въ школѣ. Потому мы признали, что преподаваніе его дѣйствительно плохо. Отсюда дальнѣйшій выводъ: нужно улучшить его преподаваніе. Будемъ же справедливы: тотъ же ходъ мышленія, тѣ же общія правила логическихъ умозаключеній будемъ одинаково примѣнять ко всѣмъ учебнымъ предметамъ. А у насъ для симпатичныхъ намъ предметовъ—одна логика,

а для другихъ—и между прочимъ славянскаго языка—уже иная. Признаемъ же, что, если онъ удовлетворяетъ тому же критерию оцѣнки предметовъ, самихъ по-себѣ и въ ихъ отношеніи къ задачамъ и цѣлямъ воспитанія дѣтей, если онъ имѣетъ жизненное значеніе, мы должны быть послѣдовательными: мы обязаны признать, что онъ долженъ изучаться. Иначе выйдетъ, что мы руководимся не логикою, не правды ищемъ и пользы народной, а движемся предразсудками, обусловленными одностороннимъ представленіемъ задачъ своего времени, руководимся тенденціями, чуждыми школь, какъ общеобразовательному учрежденію. И выйдетъ, о предметѣ мы судимъ не по его существу и по его значенію въ условіяхъ жизни и развитія русскаго человѣка, а сообразно съ своими субъективными настроеніями и отношеніями. Несомнѣнно, что мы вносимъ такимъ образомъ въ школу своего рода „политику“ (т. е. то, что не самимъ предметомъ опредѣляется, не изъ него вытекаетъ, а изъ стороннихъ для него соображеній), хотя обвиняемъ за это другихъ.

Если славянскій языкъ носитель высокихъ религіозныхъ и нравственныхъ началъ, которыя нужно только раскрыть, показать дѣтямъ, дать имъ почувствовать ихъ, то вопросъ объ изученіи его сводится къ тому: не угашаютъ ли въ школь „духа жива“, ему свойственнаго? Такъ ли идетъ преподаваніе, чтобы славянскій языкъ оказывалъ присутствующее ему влияніе? Если онъ не такъ преподается, какъ нужно, то, отказавшись отъ преждевременнаго обвиненія славянскаго языка въ безполезности, будто бы имѣющей для себя основанія въ самомъ предметѣ, необходимо поставить сначала такой вопросъ: почему его изученіе въ школь не даетъ благотворныхъ результатовъ? Какъ именно ведетъ дѣло учитель и при томъ съ любовью и охотою, или же кое-какъ, лишь бы отбыть тяжелую и неприятную повинность? Далѣе. Если самъ—по себѣ церковно-славянскій языкъ важенъ и богатъ содержаніемъ и церковь православная пользуется имъ, указывая этимъ, что и школа должна готовить дѣтей къ пониманію языка церкви и если въ настоящее время не можетъ быть вопроса въ Россіи объ отдѣленіи церкви отъ Государства (въ послѣднемъ случаѣ славянскій языкъ, вмѣстѣ съ Закономъ Божиимъ, удаляется изъ школы), то преподаваніе его только тогда излишне, когда нѣтъ возможности преподавать его такъ, чтобы онъ былъ доступенъ дѣтямъ. Но разсмотрѣны ли педагогическою литературою всевозможные способы изученія славянскаго языка, доказано ли, что его

никакъ нельзя преподавать лучше, плодотворнѣе, чѣмъ онъ теперь преподается? Лишь такимъ путемъ несомнѣнно и фактически можетъ быть обоснована невозможность преподаванія его дѣтямъ съ пользою и только на этомъ основаніи можно было бы признать, что онъ не умѣстенъ въ школѣ. Но этого не сдѣлано, потому что и не можетъ быть сдѣлано. А въ такомъ случаѣ падаетъ и отрицаніе славянскаго языка: бесплодность его преподаванія, замѣчаемая нерѣдко въ школахъ, объясняется очень просто тѣмъ, что неправильно въ школѣ ставится самое дѣло, не умѣютъ преподавать славянскій языкъ. Поэтому онъ и не имѣетъ теперь того воспитывающаго значенія, какое имѣлъ бы при иныхъ условіяхъ его преподаванія. Есть школы, гдѣ онъ сравнительно лучше поставленъ и даетъ благотворные результаты. Есть и такія, гдѣ воспитывающее вліяніе славянскаго языка весьма велико, напр. такова была при Рачинскомъ Татаевская школа. Не доказываютъ ли эти примѣры, что не отъ самой природы предмета зависитъ то, что онъ такъ часто не имѣетъ воспитывающаго вліянія?

Къ этой же причинѣ—неумѣнью и нежеланью преподавать мы сводимъ и другое того же порядка возраженіе, которое стремятся основать на томъ, что славянскій языкъ, будто бы, бесплоденъ и въ образовательномъ отношеніи. Всякій предметъ, полезный и важный въ жизни, поставленный правильно и дающій свойственныя ему знанія, не можетъ не развивать умственно. Это—триюизмъ. Но нерасположенные къ славянскому языку плохую постановку преподаванія переносятъ на самый характеръ знаній, на природу языка, и дѣлаютъ такой выводъ: онъ не даетъ хорошихъ результатовъ для умственного развитія дѣтей, значитъ лишецъ образовательнаго значенія по самой природѣ своей. И умозаключаютъ: если онъ не можетъ имѣть такого значенія—его нужно изъять изъ школы. А правильнѣе дать тотъ выводъ, который мы сдѣлали уже относительно его воспитательнаго значенія: онъ плохо преподается, а потому и не получилъ въ школѣ должнаго образовательнаго значенія,—нужно научиться преподавать его правильно, съ умѣньемъ. И дѣйствительно: развѣ можетъ быть бесплоднымъ для дѣтскаго мышленія—вдумываться въ значеніе славянскихъ словъ, стараясь найти соотвѣтствующія имъ въ русскомъ, перебирая ихъ синонимическія значенія и соображая ихъ отгѣнки, стремясь для славянскихъ выраженій найти соотвѣтствующія русскія? Или выкивать въ общій смыслъ читаемаго, передавая его

русскою рѣчью? или же, въ виду усвоенія его содержанія сосредоточивая вниманіе на славянскомъ текстѣ, воспринимать то богатство образовъ, чувствъ и возвышенныхъ настроеній, какія имъ выражены? или же усвоить тѣ объясненія и дѣлать выводы правоучительнаго характера, которыя нерѣдко вызываются чтеніемъ? Благородная простота и изящество языка библейскихъ рассказовъ, предлагаемыхъ для чтенія изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, сила и выразительность молитвословій и псалмовъ окажутъ свое благотворное дѣйствіе и на рѣчь дѣтей, побуждая при переводѣ подбирать соотвѣтствующія русскія слова и выраженія. Высокое содержаніе Евангелія и другихъ чтеній возвышенно настраиваетъ и мысль дѣтей, сосредоточивая ее на вопросахъ высокой важности. Это вліяніе скажется въ выборѣ словъ и самомъ тонѣ рѣчи, согласно настроенію мысли. Подобно тому, какъ взрослые духовно развиваются славянскою рѣчью, это можетъ быть и въ школѣ. Занятія славянскимъ языкомъ, правильно поставленныя въ теченіе трехъ лѣтъ ученія, не могутъ не усовершенствовать мысли и языка, какъ и научаются владѣть дѣти. А теперь, когда курсъ народной школы, обычно, удлиняется, переходя въ четырехлѣтній, когда больше и больше открывается двухклассныхъ школъ, тѣмъ естественнѣе ожидать пользы для развитія устной и письменной рѣчи дѣтей черезъ обогащеніе и развитіе гибкости языка (а въ связи съ этимъ ясности и силы мысли), въ выборѣ словъ и выраженій, передающихъ смыслъ славянскаго текста, въ расположеніи и послѣдовательности мыслей.

Но не странно ли, что сами учителя, указывая на печальные результаты своихъ занятій, склонны тоже настаивать на этомъ, какъ на причинѣ для изытія славянскаго языка изъ числа школьныхъ предметовъ! Но отсюда они совершенно не тотъ должны бы дѣлать выводъ...

Обязанность учителя—подумать о томъ, какъ лучше воспользоваться славянскимъ языкомъ, какъ средствомъ развитія дѣтей. Дѣти, принадлежащія къ Православной церкви, отцы которыхъ такъ дорожатъ церковнымъ языкомъ, должны его изучать, и занятія ихъ должны раскрывать ихъ способности понимать и чувствовать то, что выражено славянскою рѣчью. Плохо исполняемое дѣло вызываетъ нареканія на славянскій языкъ. Но зачѣмъ же плохо исполнять дѣло, неохотно, съ жалобами на бесполезность, если можно преподавать его лучше—съ усердіемъ, пользою и удовольствіемъ для себя и дѣтей? А чтобы такъ

поставить занятія, необходимо научиться, какъ его преподавать и въ виду какой именно цѣли, указывающей и всю постановку занятій. Но часто ли учитель думаетъ о лучшихъ способахъ преподаванія славянскаго языка? Прочиталъ ли для этого основательно хотя одну методичку этого предмета? Постарался ли восполнить и свои собственные знанія по славянскому языку, хотя бы въ томъ маленькомъ объемѣ, что-бы хорошо знать и понимать лишь то, что требуется для школьныхъ уроковъ? Если онъ всего этого не сдѣлалъ, то какое же право онъ имѣетъ говорить о бесполезности преподаванія того, что онъ *не умѣетъ* преподавать, о безсодержательности того, что онъ *не изучилъ* сколько-нибудь удовлетворительно и не знаетъ? Не похоже ли это на то, какъ если бы человѣкъ, не знающій физики, химіи или другаго предмета доказывалъ ихъ бесполезность? О чемъ свидѣлствуютъ—спросимъ еще жалобы учителей на трудныя слова и выраженія, какія встрѣтились въ урокъ, какъ не о томъ, что наканунѣ они не поготовлялись къ уроку? Пусть же тотъ изъ учителей, кто увлеченъ современнымъ отрицаніемъ славянскаго языка, спроситъ себя: *опытомъ ли собственнаго* серьезнаго изученія и прилежныхъ занятій въ школѣ, основаннымъ на знаніи лучшихъ методическихъ приѣмовъ и собственномъ изученіи славянскихъ текстовъ пришелъ онъ къ этому безотрадному выводу? А если это не такъ, то пусть же признаетъ, что его отношеніе къ славянскому языку есть признакъ безотчетнаго увлеченія взглядами другихъ и неосновательности его сужденій. Кто изъ нихъ ведетъ въ школѣ дѣло кое-какъ, тотъ долженъ сознаться, что его нерадивое отношеніе къ своей обязанности—вотъ что роняетъ важный школьный предметъ и даетъ поводъ къ его отрицанію. Пусть же такой учитель знаетъ, что одну изъ причинъ враждебнаго отношенія къ славянскому языку доставляетъ онъ самъ: его неумѣлое и неохотное преподаваніе...

До сихъ поръ, говоря объ отрицающихъ значеніе славянскаго языка, мы имѣли въ виду только тѣхъ, кто прямо и безусловно отрицаетъ его значеніе—и для школъ народныхъ, и для городскихъ, гдѣ учатся ихъ дѣти. Мы съузили свою задачу, имѣя въ виду главныхъ противниковъ. Но вотъ они съ торжествомъ указывали мнѣ на то, что въ рядахъ защитниковъ славянскаго языка есть много людей не искреннихъ. Ихъ, говорятъ, узнать не трудно: признавая славянскій языкъ полезнымъ въ школѣ народной, они не находятъ его нужнымъ для реальныхъ учи-

лицъ, мужскихъ и женскихъ гимназій, вообще для всѣхъ школъ, гдѣ учатся не дѣти крестьянъ, а другихъ сословій. Для народа считаютъ нужнымъ, а для своихъ дѣтей излишнимъ... Послѣдовательно ли, когда утверждаютъ, что извѣстный предметъ, имѣющій общеобразовательное значеніе, долженъ быть не во всѣхъ русскихъ школахъ? Истины ради, и тутъ мы должны стать на сторону рѣшительныхъ противниковъ славянскаго языка, хотя нашъ выводъ и теперь будетъ прямо противоположенъ ихъ выводу: на чемъ они основываются, отрицая его, тамъ мы найдемъ основанія для большого еще укрѣпленія его и чтобы еще больше расширить объемъ его влияния.

Когда извѣстный предметъ, соответствующій нуждамъ народа и его національности, имѣетъ образовательное значеніе, то онъ имѣетъ это значеніе *для всѣхъ* лицъ даннаго народа: какъ древне-еврейскій полезно изучать всѣмъ евреямъ, древне-греческій—всѣмъ грекамъ, такъ и свой основной и общій для всѣхъ славянскій языкъ—полезно изучать всѣмъ русскимъ, исповѣдующимъ православіе. Онъ имѣетъ благотворное значеніе для всѣхъ русскихъ школъ. И вездѣ въ низшихъ классахъ—въ городахъ и селахъ, гдѣ дѣти православныхъ, нужно одинаково стремиться къ тому, чтобы поставить преподаваніе славянскаго языка живѣе, серьезнѣе и цѣлесообразнѣе. Признать же, что онъ нуженъ лишь для „простого народа“, дѣйствительно значить подрывать къ нему довѣріе, оправдывая подозрѣніе, что онъ служить для какой-то посторонней цѣли. Такое предположеніе вполне естественно и законно: если кто признаетъ, что въ народной школѣ предметъ нуженъ и при томъ не для цѣлей житейскихъ, а какъ общеобразовательный, имѣющій нравственно-воспитательное значеніе, а для его дѣтей нѣтъ, то этимъ прямо изобличается неискренность (хотя въ иныхъ случаяхъ, быть можетъ, лишь недомысліе) того, кто такъ думаетъ и видно, что въ его рукахъ славянскій языкъ лишь орудіе для какихъ-то постороннихъ цѣлей. Но это—близорукій взглядъ. Возвышая духовно,—Евангеліе, Псалтирь, Четыи-Минеи и другія книги славянской письменности ставятъ человека выше всевозможныхъ условностей положенія, дѣлая его болѣе благороднымъ, отзывчивымъ на нужды другихъ, готовымъ служить своимъ близкимъ, по ученію Спасителя. Связывать изученіе церковной письменности съ тѣми или иными частными соображеніями значить принижать ее, отнимать у нея то высокое, ей принадлежащее,

самодовлѣющее значеніе, какое придастъ ей народъ. Нѣтъ, это не орудіе для направленія народной жизни по житейскимъ соображеніямъ, но средство возвышенія души *всякаго* человѣка. Кто считаетъ, что славянскій языкъ лишь для простаго народа, избличаетъ этимъ — чтобы ни руководило имъ въ такомъ взглядѣ — свое непониманіе предмета, о которомъ судить, и возбуждаетъ, съ другой стороны, то подозрительное или враждебное къ нему отношеніе, которое развивается теперь. Не только отрицающіе славянскій языкъ, но и самъ народъ понимаетъ смыслъ этого взгляда, гдѣ «одно для пановъ, другое для мужиковъ». Народъ понимаетъ, что «о настоящей наукѣ» этого не скажутъ, и никто не откажется отъ изученія родного языка, ариметики и другихъ предметовъ. А если славянскій языкъ — только для крестьянской школы, то, значитъ, это не настоящая, общепользная наука... Вотъ заплата славянскаго языка, подрывающая его значеніе больше, чѣмъ нападенія на него...

Лига народнаго образованія прямо и рѣшительно отвергаетъ славянскій языкъ для всѣхъ — и въ этомъ ея достоинство, У нея нѣтъ тѣхъ недомолвокъ и двусмысленностей, которыя характеризуютъ неискреннихъ людей, признающихъ полезность славянскаго языка для народа и бесполезность его для другихъ сословій и въ частности — для своихъ дѣтей. Или нужно признать культурное значеніе славянскаго языка и дать ему мѣсто среди школьныхъ предметовъ трехъ-четырехъ низшихъ классовъ всѣхъ русскихъ учебныхъ заведеній, или же, считая его ненужнымъ для среднихъ учебныхъ заведеній, признать ненужнымъ и въ народныхъ школахъ, т. е. ни кому ненужнымъ. *Tertium non datur!* Мы признаемъ первое: изученіе церковно-славянскаго языка и въ среднихъ школахъ должно имѣть тоже по своему положенію и вліянію значеніе, какъ и въ народныхъ. Прежде это сознавалось, хотя, разумѣется, степень сознанія этой потребности въ городахъ и селахъ не совпадетъ, такъ какъ среда не тождественна. Несомнѣнно, что сами родители деревенскихъ дѣтей сильнѣе чувствуютъ потребность въ чтеніи славянскомъ, и съ этой точки зрѣнія важность языка для нихъ несравненно очевиднѣе, чѣмъ для другихъ сословій, отомедненныхъ отъ религіи болѣе или менѣе въ сторону. Но само по себѣ, по существу своему онъ долженъ быть важенъ для всѣхъ православныхъ и во всѣхъ школахъ, гдѣ учатся ихъ дѣти. При какой же постановкѣ и въ какомъ случаѣ въ среднемъ учебномъ заведеніи будетъ полезенъ славянскій

языкъ? Скажемъ объ этомъ нѣсколько словъ, защищая его въ данномъ случаѣ отъ его же одностороннихъ защитниковъ и желая побудить ихъ бросить свою односторонность *)).

Если дѣти, окончившія курсъ начальной школы, будутъ понимать церковно-славянскій языкъ (молитвы, библейскіе и богослужебные тексты) въ той степени и въ томъ объемѣ, какъ они узнаютъ (или вѣрнѣе, должны бы знать) Законъ Божій, ихъ знанія для данной ступени развитія можно признать вполне достаточными, и мы будемъ имѣть основаніе сказать тогда, что начальная школа сдѣлала для нихъ все въ этой области, что въ ея силахъ. Если бы учащіеся въ низшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній и вообще во всѣхъ высшаго типа, чѣмъ начальныя народныя, узнавали славянскій языкъ тоже въ объемѣ и степени своего курса Закона Божія—они узнали бы его достаточно и понимали Богослужебный языкъ и Библію и не было бы того страннаго явленія, что учащіеся 4 и 5 класса гимназій почти не понимаютъ текстовъ катихизиса и не способны отнестись къ нимъ, какъ къ живому и близкому для нихъ слову. Но для этого нужно, чтобы преподаваніе было поставлено подобно тому, какъ оно должно стоять и въ народныхъ школахъ,—жизненно, съ чтеніемъ и усвоеніемъ читаемыхъ текстовъ, входя въ строй и духъ языка, сродняясь съ его содержаніемъ.— Въ данномъ случаѣ есть еще и другая сторона дѣла, которую мы не выдвигали, говоря о школѣ сельской. На этой сторонѣ церковнаго языка мы и остановимся теперь.

Мы вспомнимъ здѣсь давно уже забытыя слова Ушинскаго о значеніи церковно-славянскаго языка для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. По его мнѣнію, тамъ должно идти „чтеніе изъ Библии и переводы съ церковно-славянскаго языка на русскій. Переводы на родной языкъ—одно изъ лучшихъ средствъ для теоретическаго и практическаго изученія этого языка... Въ этомъ отношеніи переводы съ церковно-славянскаго языка будутъ значительнымъ подспорьемъ. За систематическимъ изученіемъ русской грамматики можетъ уже слѣдовать изученіе древле-церковно-славянскаго, которое поведетъ и къ болѣе глубокому историческому пониманію грамматики языка русскаго. Но мы желали бы—прибавляеть Ушинскій,—чтобы изученіе церковно-славян-

*) Касаюсь здѣсь спеціального вопроса, который я предполагаю раскрыть обстоятельнѣе въ другомъ очеркѣ, посвященномъ методикѣ славянскаго языка.

скаго языка имѣло не одну только эту побочную цѣль, но стремилось также и къ тому, чтобы ученики теоретически и практически овладѣли этимъ языкомъ“. Къ этому, въ своемъ „Руководствѣ къ преподаванію по Родному Слову“ (часть, II, приложение къ практич. грамматикѣ, изд. 3, стр. 33), Ушинскій дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе, основанное на глубокомъ знаніи современныхъ ему направлений: „этому желанію (хорошо практически владѣть славянскимъ языкомъ), безъ сомнѣнія, долго еще придется оставаться въ области желаній; но мы не можемъ удержаться, чтобы не высказать его здѣсь и не показать его основаній“. Сорокъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ написано это нашимъ знаменитымъ педагогомъ, а остается и теперь сказать, что это только—*prim desiderium*. Мало того: теперь не только говорятъ объ излишествѣ и бесплодности знакомства въ высшихъ классахъ средне-учебныхъ заведеній съ древне-славянскимъ, но и съ церковно-славянскимъ въ низшихъ. Не видятъ и не признаютъ его образовательнаго значенія даже въ области изученія роднаго языка.

Въ мою задачу не входитъ доказывать важность славянскаго языка, какъ орудія для изученія свойствъ и особенностей русскаго языка*); но сказать объ этомъ нѣсколько словъ въ подтвержденіе взгляда Ушинскаго, не мѣшаетъ, такъ какъ тогда яснѣе раскрывается вопросъ о его общеобразовательномъ значеніи. По своему обыкновенію, я сошлюсь и въ этомъ случаѣ на авторитетъ**). Сильнѣе всѣхъ и правильнѣе всѣхъ сказалъ объ этомъ Ломоносовъ. И теперь ученые, занимаясь вопросомъ о славянскомъ языкѣ, всегда и прежде всего обращаютъ къ нему свой взоръ. И не удивительно: всѣ изслѣдованія о языкѣ славянскомъ основываются на тѣхъ данныхъ, какія представилъ Ломоносовъ въ своихъ грамматикѣ и риторикѣ, преимущественно же въ своемъ небольшомъ по объему, но незабвенномъ въ исторіи нашей литературы по своему содержанію, разсужденіи «О пользѣ книгъ церковныхъ въ руссійскомъ языкѣ». Тамъ онъ указалъ, на основаніи своего опыта и своихъ наб-

*) Кстати замѣчу, что и избѣгаю тѣхъ доводовъ въ пользу церковно-славянскаго языка, когда онъ разсматривается лишь, какъ орудіе, средство для цѣли, лежащей внѣ его собственнаго значенія: служба средствомъ для чего-либо другаго, опъ—невольно является такая мысль—можетъ быть и отброшенъ, когда это другое достижимо инымъ путемъ.

***) Моя цѣль во всѣхъ такихъ случаяхъ—освѣтитъ интересующихся съ литературой, помогающей правильно рѣшить вопросъ о значеніи славянскаго языка.

людей, какую можно извлечь пользу отъ изученія славянскаго языка для обогащенія своей рѣчи благородствомъ и красотою, ибо возвышенными рѣченіями и самымъ строемъ своимъ языкъ церковныхъ книгъ дастъ намъ „богатство къ сильному изображенію идей важныхъ и высокихъ“. Свидѣтельство Ломоносова всегда будетъ имѣть значеніе прежде всего не какъ слово перваго по времени русскаго ученаго, но какъ высоко—талантливаго наблюдателя современной ему жизни. Онъ непосредственно чувствовалъ важность этого языка, живя въ то время, когда въ средѣ, идущей по пути Петровскихъ реформъ, страдалъ русскій языкъ отъ заимствованій изъ языковъ—и латинскаго, и нѣмецкаго и французскаго и англійскаго, и голландскаго и польскаго... Тогда языкъ письменный и устный изобилывалъ цѣликомъ переносимыми къ намъ и чуждыми русскому уху словами и выраженіями, и непріятно поражалъ всѣхъ, чуткихъ къ достоинствамъ роднаго языка. Слова Ломоносова—слова свидѣтеля, стоявшаго въ водоворотѣ событій и сказавшаго о значеніи того языка, съ которымъ онъ сроднился въ школѣ, какъ способомъ выраженія своихъ мыслей, которымъ въ значительной степени пользовались письменно и даже устно, силу котораго, важность и достоинство онъ чувствовалъ на себѣ. Вотъ почему разграничивая области славянскаго и русскаго языка, указывая ихъ взаимоотношеніе, защищая чистоту и достоинство роднаго языка и пужно начинать съ Ломоносова—родоначальника нашей литературной рѣчи, установившаго ея родство и связь съ языкомъ славянскимъ, какъ средствомъ возвышенія и защиты отъ обезличивающихъ и принижующихъ иноземныхъ вліяній. Осуществляя практически свои указанія, Ломоносовъ съ своей стороны, въ противовѣсьиноземному, оказалъ сильное вліяніе на возвышеніе нашей литературной рѣчи,—и оно, преломляясь въ дальнѣйшемъ движеніи черезъ Карамзина, потомъ Пушкина, Гоголя и другихъ создателей нашего литературнаго языка, оставило свой глубокій слѣдъ въ современной рѣчи, и мы пользуемся богатствами славянскаго языка, сами не зная этого, пока не обратимся къ его изученію и не дадимъ себѣ отчета въ его свойствахъ. Такимъ образомъ, желая знать основательно русскій языкъ, мы должны обратиться къ церковно-славянскому. Желая объяснить значеніе многихъ словъ и выраженій, особенности его формъ, связывающихъ его съ церковною рѣчью,—опять должны обратиться къ языку славянскому. Желая опредѣлять степень и причины взаимнаго пониманія славянскихъ пле-

мень, образовавших русское царство, единство ихъ міровозрѣнія и духовныхъ стремленій, мы опять-таки обратимся къ нему, ибо онъ—цементъ, связывающій разнообразное въ единствѣ высшихъ духовныхъ, религіозно-правственныхъ интересовъ, наложившихъ печать благородства, одухотворенности и задушевности на славянскую рѣчь и возвысившихъ чрезъ это характеръ и русскаго языка въ лицѣ его корифеевъ—руководителей печатнаго слова, а черезъ нихъ и мы питаемся изъ этого источника *). И такъ, заботясь о знакомствѣ нашихъ дѣтей съ славянскою рѣчью, мы не только возвышаемъ ихъ духовно, но и обогащаемъ ихъ собственный языкъ многими словами и лучшими оборотами. А переводы, согласно указанію Ушинскаго, научатъ дѣтей лучше понимать духъ и строй своей родной рѣчи и лучше ею пользоваться, сдѣлаютъ ихъ языкъ болѣе гибкимъ и болѣе сильнымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ. Слѣд. образованіе дѣтей много выиграло бы, еслибы въ среднихъ школахъ изучался, какъ нужно, славянской языкъ. Много пользы получило бы отъ этого религіозно-правственное развитіе ихъ.

Но, къ сожалѣнію, противъ этого языка церкви возстаютъ даже законоучители, особенно среднихъ школъ, (мнѣ самому приходилось бесѣдовать съ ними), и—зачѣмъ скрывать—они часто не видятъ даже связи между своимъ предметомъ и славянскимъ языкомъ, не говоря уже о томъ, что не знаютъ, какъ пользоваться имъ на своихъ урокахъ. Казалось бы не трудно понять что преподаваніе Закона ^и Божія возвысится, если его поставить въ связь съ славянскимъ языкомъ. Тогда заучиваніе учебника отодвинется въ сторону, а его мѣсто займетъ живое преподаваніе: при изученіи Ветхаго Завѣта—чтеніе библейскихъ текстовъ изъ ветхозавѣтныхъ книгъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ въ школахъ начальной; изученіе Новаго Завѣта будетъ сопровождаться чтеніемъ и объясненіемъ Евангелія на славянскомъ языкѣ; изученіе богослуженія—прочитываніемъ изъ богослужбныхъ книгъ тѣхъ мѣстъ, знакомство съ которыми считается важнымъ и нужнымъ. Т. е. занятія тогда должны будутъ идти по тому же плану,

*) Прихѣтрами, начинала съ Ломоносова и кончая крестьяниномъ захолустнаго села, мы могли бы подтвердить, какъ близкое знакомство съ славянскимъ языкомъ даетъ силу, величіе и простоту (стихія влѣтѣства, внесенная и въ пѣснопѣнія и въ житія святыхъ, не подавляетъ вліянія благородной простоты славянскаго языка) собственной рѣчи того, кто настраивается, проникается духомъ славянскаго языка. Такое вліяніе должно бы отразиться и на дѣтяхъ.

какъ и въ низшей школѣ, только въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Чтеніе славянскихъ текстовъ будетъ оживлять и одухотворять изученіе Закона Божія; оно должно также дополняться припоминаніемъ того, что читали и пѣли въ церкви во время той или другой службы. Такое изученіе будетъ практическимъ, ибо знаніе Закона Божія войдетъ въ связь съ чтеніемъ соответствующихъ текстовъ Священнаго Писанія и богослужебныхъ книгъ. Оно будетъ болѣе прочнымъ, интереснымъ и живымъ.

И такъ, не только въ школѣ народной, но и въ средней славянской языкъ полезенъ. Разница лишь въ томъ, что важность его для народной школы усугубляется его большимъ значеніемъ въ народной средѣ, и тѣмъ, что народъ въ высшей степени дорожитъ имъ и требуетъ отъ школы, чтобы она учила этому предмету. Если находятъ возможнымъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ изъять изъ круга изучаемыхъ предметовъ славянскій языкъ—хотя и наносятъ ущербъ развитію дѣтей, то это еще возможно: тамъ онъ и теперь чаще всего числится только номинально, или состоитъ въ бѣгломъ и схоластическомъ заучиваніи краткаго курса древне-славянской грамматики. Но отсюда никакъ не слѣдуетъ, что это можно также легко сдѣлать и въ школѣ народной, гдѣ иная среда, иные родители, иное отношеніе къ религіи. И если въ средней школѣ устраненіе славянскаго языка вредно, то въ народной школѣ не только вредно, но и опасно, и прибавлю—несправедливо по отношенію къ народу, и оскорбительно для него, потому что—выходить—мы считаемъ его ребенкомъ, съ желаніями и взглядами котораго не находимъ нужнымъ даже справляться.

Г. А. Соколовъ.

(Продолженіе будетъ).

Изъ исторіи Астраханской епархіи *).

Протоіерей Петръ Лугаревъ, о. Делигенскій и другіе просвѣтители калмыковъ XIX в.

Слово Божіе вѣщаетъ, что и чаша студеной воды, поданная во время, не будетъ забыта предъ Богомъ.

*) Замѣтка эта приедана намъ изъ Казани и принадлежитъ перу высокопросвѣщеннаго и высокопоставленнаго автора—нашего земляка, всегда съ особенною любовію относив-

Неудивительно, что исторія не забываетъ тѣхъ, кто потрудился въ напоеніи жаждущихъ духовно.

На дняхъ въ Извѣстіяхъ Общества Археологія, Исторіи и Этнографіи при Казанскомъ Университетѣ (24 марта 1910 г.) явилась статья А. С. Лебедева: „Матеріалы для исторіи калмыковъ“. Въ этой обширной статьѣ словами г. Лебедева и чрезъ самые матеріалы передается исторія обращенія калмыковъ, какъ общая, такъ и частная, за время пребыванія о. Лугарева и о. Делигенскаго въ предѣлахъ Саратовской губерніи.

Объ о. Лугаревѣ сообщается даже, что онъ окрестилъ до 400 калмыковъ. А между тѣмъ извѣстно, Астраханцамъ, что сей о. Лугаревъ послѣдніе дни пребывалъ въ великомъ забвеніи. Тоже, кажется, должно сказать и объ о. Делигенскомъ. За годы 1832 по 1838 приводится даже помѣсячная вѣдомость о крещенныхъ въ Саратовской губерніи, особенно около Царицына и Сарепты. Замѣчательно, что и Сарептяне снаряжали къ калмыкамъ двухъ миссіонеровъ, но крестить они отправляли къ православному духовенству. Особенно же много хлопоталъ объ устроении крещеныхъ калмыковъ губернской секретарь Вас. Кудрявцевъ. Можно сказать, что сдѣлано было все возможное съ вѣншей стороны для укрѣпленія калмыковъ въ христіанствѣ, но внутренняго ничего. А по тому изъ сего опыта какъ многихъ другихъ, почти ничего не вышло. Предоставленные самимъ себѣ крещенные калмыки оставались внутри по прежнему язычниками. Г. Кудрявцевъ имѣлъ ревность отыскивать крещеныхъ калмыковъ (время Екатерины II), около Чуркинской пустыни. Но, конечно, не нашелъ тамъ ни одного. Потомъ около Черепахи онъ нашелъ калмыковъ крещеныхъ послѣ, но ихъ г. Бекетовъ, отдалъ въ приданое за дочерью, и они оказались язычниками и рабами.

По видимому былъ и остался христіаниномъ зайсангъ Содномъ. Къ нему писали письмо два зайсанга, вызванные изъ-за Байкала для перевода Евангелія. Приложенныя къ статьѣ письма ихъ столь возвышенны, что даже является мысль, не писалъ ли ихъ руководитель ихъ пасторъ Шмидтъ, которому они помогали дѣлать переводы. Во всякомъ случаѣ письма эти столь оригинальны и столь содержательны, въ смыслѣ миссіонерскомъ, что они достойны перевода на калмыцкій и монгольскій

шагося къ астраханской церковно-религіозной жизни и не забывающаго среди многочисленныхъ дѣлъ по администраціи нашу Редакцію своими послынными трудами. Приносимъ ему глубочайшую благодарность отъ лица читателей нашихъ Еп. Вѣдомостей.

Редакція

языки. Кромѣ положительнаго ученія о Христѣ, они даютъ и критику буддизма. И величіе христіанства изображается приспособительно къ ламаитамъ, которые тоже оцѣниваются критически.

Кажется, самымъ свѣтлымъ днемъ въ обращеніи калмыковъ было крещеніе жены Дондоки Омбо (внуки Аюки), которая въ крещеніи наречена Вѣрою, а дочери ея: Бунигара Надеждою и Делекъ—Любовію, сыновья же: Раидуль—Петромъ, Добданъ Алексіемъ, Асарай Іоною и Джибасаръ—Филиппомъ. Всѣхъ ихъ воспринимала отъ купели Императрица Елизавета Петровна, причемъ Вѣра получила титулъ Княгини Дундуковой (1744 г.). Сыновья ея воспитывались въ кадетскомъ корпусѣ, изъ которыхъ Алексѣй Дундуковъ, живши въ г. Енотаевскѣ, Астрах. губ., скончался въ 1783 въ чинѣ полковника и погребенъ въ церковной оградѣ. Въ церкви города Енотаевска хранится подаренное имъ Евангеліе.

Наибольшими днями торжества о. Петра Лугарева были 22 и 23 мая 1833 года, когда онъ въ день св. Духа крестилъ въ Царицынѣ 10 калмыковъ, а потомъ въ с. Отрада 20 душъ. При этомъ всѣ важнѣйшіе чиновники и граждане города были воспріемниками, а Преосв. Іаковъ приобщалъ ново-крещенныхъ святыми Тайнами тѣла и Крови Господней.

Правда, что въ 1832 году было крещено болѣе, а именно 32 человека; но не съ такою торжественностію, ибо майскія крещенія 1833 г. совершились при торжественныхъ процессіяхъ, колокольномъ звонѣ, съ изнесеніемъ св. иконъ и хоругвей—на рѣку, гдѣ и совершилось крещеніе въ присутствіе великаго множества народа, во главѣ съ Архипастыремъ.

Послѣ о. Лугаревъ былъ переведенъ въ г. Царевъ, который отошелъ въ Астрах. епархію. Но здѣсь его слава померкла, ибо любезныхъ для него калмыковъ здѣсь не было. вмѣстѣ съ славою остались въ Саратовѣ его записки по дѣламъ калмыковъ. И вотъ они-то и послужили г. Лебедеву матеріаломъ для его статьи о калмыкахъ.

Дай Богъ, чтобы и труды другого дѣятеля по просвѣщенію калмыковъ, о. Делигенскаго также какъ либо открылись, какъ недавно открылись труды о. Архим. Гавріила, который завезъ ихъ въ Верхотурскій монастырь, откуда къ счастью они попали тоже въ Казань, въ хорошія руки, а именно къ профессору Іеромонаху Гурію, который вѣроятно умѣло воспользуется ими.

Архимандритъ Павелъ (Прусскій) и его значеніе въ исторіи полемики съ расколомъ.

(По поводу 15-ти лѣтій со дня его кончины).

27 апрѣля текущаго года исполнилось ровно 15 лѣтъ со дня кончины одного изъ ревностнѣйшихъ борцовъ съ расколомъ, архимандрита Павла (Пруссакаго).

Его кипучая, неутомимая дѣятельность, посвященная дѣлу обращенія заблудшихъ въ лоно православной церкви, невольно вызываетъ чувство живой признательности и побуждаетъ помянуть его добрымъ словомъ.

О. Павелъ родился 21 января 1821 года, въ г. Сызрани, Симбирской губерніи, въ семьѣ ревностныхъ раскольниковъ-безпоповцевъ, въ частности—еодосѣвцевъ. Воспитанный здѣсь въ строго раскольниковскомъ духѣ, онъ на первыхъ порахъ проявилъ большую ревность къ расколу и выступилъ ярымъ защитникомъ ученія еодосѣвцевъ, такъ что послѣдніе, не смотря на его почти юношескіе годы, сдѣлали его своимъ наставникомъ. Но скоро, благодаря своимъ природнымъ дарованіямъ и критическому уму, а также большой начитанности, онъ убѣдился въ неправотѣ ученія еодосѣвцевъ и открыто заявилъ, что у нихъ истинной церкви нѣтъ. Это обстоятельство побудило его перейти въ поморскій толкъ, ученіе котораго на первый взглядъ показалось ему истиннымъ. Но и здѣсь Павелъ не нашелъ истинной церкви, такъ какъ ученіе поморцевъ было въ явномъ противорѣчій съ словомъ Божиимъ и ученіемъ св. отцевъ. Стремясь къ истинѣ, онъ уже намѣревался было—подобно Павлу Бѣлокриницкому—искать церковь гдѣ-нибудь на чужбинѣ и завести іерархію, подобную Амвросіевской, но благодать Божія коснулась его сердца, и онъ въ 1867 году присоединился къ православной церкви на началахъ единовѣрія. Скоро онъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ настоятелемъ Московскаго Никольскаго единовѣрческаго монастыря.

И вотъ съ этого времени началась дѣятельность о. Павла на пользу Греко-Россійской православной церкви, дѣятельность еще болѣе ревностная, чѣмъ та, которая была прежде направлена имъ на защиту раскола. Онъ самъ говорилъ: „понеже преже былъ я между ними (рас-

кольниками) проповѣдникомъ лжи и клеветы на св. церковь: не тѣмъ-ли паче обязанъ теперь возвѣщать имъ истинное о церкви ученіе? Какъ самъ ранѣе пребывавшій въ расколѣ, о. Павелъ, естественно, опытно убѣдился въ его неправотѣ и близко узналъ всѣ его слабыя стороны, а потому послѣ присоединенія къ православной церкви могъ избрать самыя вѣрныя и дѣйствительныя средства въ борьбѣ съ нимъ.

Главнымъ орудіемъ о. Павла въ полемикѣ съ раскольниками была устная проповѣдь. Для этой цѣли онъ устраивалъ въ своемъ монастырѣ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, послѣ вечерни, собесѣдованія съ раскольниками, а также нерѣдко и въ своей кельѣ. Раскрывая на своихъ бесѣдахъ всю ложь раскола, о. Павелъ вмѣстѣ съ тѣмъ старался укрѣпить въ своихъ единовѣрцахъ вѣру и любовь къ церкви православной. Этого онъ старался достигнуть не только своими бесѣдами, но также проповѣдями, произносимыми имъ за богослуженіемъ, въ которыхъ онъ, съ одной стороны, изображалъ все величіе и истинность Русской церкви, съ другой—глубокое заблужденіе послѣдователей раскола. Проповѣди о. Павла представляютъ первый опытъ противораскольнической проповѣди въ единовѣрческихъ храмахъ: раньше здѣсь ихъ не говорили, да и сами единовѣрцы чуждались ихъ. Онѣ отличаются простотой и сердечностью, такъ что производили на слушателей сильное впечатлѣніе. Хотя этихъ проповѣдей въ сочиненіяхъ о. Павла напечатано не болѣе 20, но, несомнѣнно, ихъ произнесено было гораздо болѣе. Впрочемъ, намъ нѣтъ особенной нужды знать, сколько именно было произнесено о. Павломъ проповѣдей: значеніе послѣднихъ для полемики съ расколомъ обуславливается не количествомъ ихъ, но тѣмъ, главнымъ образомъ, что онъ представляетъ изъ себя, во-первыхъ, первый и новый шагъ еще на непроложенномъ, но несомнѣнно, полезномъ пути, и, во-вторыхъ, являются первымъ и единственнымъ сборникомъ образцовъ для подобной проповѣди.

Но полемика о. Павла съ раскольниками не ограничивалась однимъ Никольскимъ монастыремъ, одною Москвою. Въ теченіе своей жизни онъ извѣздилъ всю Россію вдоль и поперекъ и побывалъ даже за границей. И вездѣ, гдѣ встрѣчались ему раскольники, онъ устраивалъ съ ними бесѣды. На этихъ своихъ бесѣдахъ о. Павелъ успѣлъ затронуть и рѣшить всѣ вопросы, касающіеся раскола; но особенно обстоятельно и подробно онъ раскрылъ и изъяснилъ главный вопросъ, — вопросъ о вѣдѣ-

номъ существованіи церкви Христовой съ полнотою церковныхъ таинствъ и священныхъ чиновъ. Отличительный характеръ его бесѣдъ тотъ, что онъ убѣждалъ раскольниковъ кротко и съ нѣкоторою скорбью и, какъ опытный миссіонеръ, никогда не позволялъ уклоняться въ сторону отъ разсматриваемаго вопроса, пока не рѣшалъ его окончательно. Оттого бесѣды о. Павла были благотворны и сопровождались обращеніемъ многихъ раскольниковъ въ лоно православной церкви. Но значеніе о. Павла въ исторіи полемики съ расколомъ не ограничивается однимъ только тѣмъ, что онъ своими бесѣдами многихъ раскольниковъ привлекъ къ общенію съ церковію. Благодаря тому обстоятельству, что впоследствии бесѣды о. Павла были воспроизведены имъ и записаны, онѣ, какъ произведенія знаменитаго миссіонера, могутъ служить въ настоящее время для каждаго ревнителя православія однимъ изъ лучшихъ пособій въ борьбѣ съ расколомъ.

Не менѣе важную услугу можетъ оказать каждому современному миссіонеру знакомство съ довольно многочисленными, спеціально полемическими противораскольниковскими сочиненіями о. Павла, въ которыхъ но отдѣльности разсматривается тотъ или иной вопросъ, касающійся раскола. Начало этимъ сочиненіямъ о. Павелъ положилъ своимъ „воззваніемъ къ старообрядцамъ“ послѣ присоединенія къ церкви православной, гдѣ онъ указалъ причины этого присоединенія и начерталъ планъ своей будущей полемики съ расколомъ.

На ряду съ бесѣдами полемическія сочиненія о. Павла служатъ однимъ изъ лучшихъ средствъ къ ознакомленію, съ одной стороны, съ возраженіями, какія выставляютъ раскольники, и доказательствами изъ ученій, съ другой—съ тѣмъ, что слѣдуетъ сказать въ защиту православія и обличеніе ихъ ученій.

Но теперь спрашивается: чѣмъ же особенно отличается полемика о. Павла отъ полемики другихъ, не менѣе извѣстныхъ миссіонеровъ, и что особенно придаетъ ей большую цѣнность? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ тѣхъ же его бесѣдахъ и сочиненіяхъ. Обращаясь къ нимъ, мы замѣчаемъ, что о. Павелъ въ основу своей полемики полагалъ св. писаніе и ученіе св. отцовъ, тогда какъ другіе боролись съ раскольниками на историко-археологической почвѣ. Для него св. писаніе и ученіе св. отцовъ служило единственнымъ критеріемъ истины. Разсматривая съ этой точки зрѣнія раскольниковскія обвиненія русской цер-

кви въ ересяхъ, онъ въ своихъ сочиненіяхъ, особенно же „въ словѣ къ глаголемымъ старообрядцамъ“, ясно доказываетъ, что въ нашей церкви нѣтъ ни одной ереси, потому что она ни на іоту не отступила отъ евангельскаго ученія и ученія св. апостоловъ и отцовъ древней церкви. Если же она измѣнила нѣкоторые обряды, то это не кладетъ на нее никакого чернаго пятна, такъ какъ измѣнять ихъ она можетъ по вполне законнымъ основаніямъ и имѣть на это полное право. Между тѣмъ ученіе раскольниковъ, какъ говоритъ о. Павелъ въ томъ же „словѣ къ глаголемымъ старообрядцамъ“, далеко несогласно съ словомъ Божиимъ, ибо они хотя и вѣруютъ во Христа, но не вѣруютъ въ Его обѣтованія, напримѣръ, въ обѣтованіе о вѣчномъ существованіи церкви Христовой, св. таинствъ и т. п. и, какъ таковыя, они, по словамъ о. Павла, не имѣютъ никакого права называться истинными христіанами, а тѣмъ болѣе считать себя праведниками. Несомнѣнно, что подобнымъ веденіемъ полемики съ раскольниками о. Павелъ всего больше и способствовалъ ихъ обращенію въ лоно церкви Христовой. И вотъ, принимая во вниманіе всѣ эти достоинства полемики о. Павла, мы должны въ концѣ концовъ сказать, что изученіе ея, т.-е. его сочиненій, имѣетъ большое значеніе не для однихъ только миссіонеровъ, но какъ для простыхъ православныхъ мірянъ, предохраняя ихъ отъ уклоненія въ расколъ и давая имъ въ руки оружіе для борьбы съ нимъ, такъ и для раскольниковъ, давая имъ возможность глубже вникнуть въ свои заблужденія. Эту истину засвидѣтельствовалъ и самъ о. Павелъ, когда онъ въ своей „бесѣдѣ съ однимъ священникомъ“ упомянулъ вообще о важности чтенія противораскольническихъ сочиненій. „Въ словесномъ собесѣдованіи, говоритъ онъ, ово по краткости времени, ово по немощи человѣческой и забвенію, многожды и самъ проповѣдникъ не все полезное можетъ передать, многожды и у слушателя иное, даже очень важное, ускользываетъ отъ слуха, или остается недостаточно понятымъ. При чтеніи же книгъ каждый желающій понять, обсудить дѣло, можетъ удобно прослѣдить всѣ многочисленныя приведенныя въ нихъ доказательства по каждому предмету: и полнота, равно какъ и основательность доказательствъ необходимо произведутъ на читателя свое дѣйствіе“.

Уже изъ этого краткаго очерка жизни и дѣятельности Архимандрита Павла (Прусскаго) видно, что значеніе его въ исторіи полемики съ расколомъ громадно, — столь громадно, что его можно сравнивать

въ этомъ случаѣ съ апостоломъ Павломъ, который сначала былъ яримъ защитникомъ іудейства и гонителемъ христіанъ, а потомъ при помощи благодати Божіей сдѣлался самымъ ревностнымъ проповѣдникомъ истины. И какъ послѣдній оставилъ послѣ себя множество продолжателей заповѣданнаго ему Господомъ святаго дѣла, такъ необходимо пожелать, чтобы и у этого старца всегда находились продолжатели, которые шли бы по его стопамъ и стремились бы привести заблудшихъ въ лоно церкви православной, дабы было „одно стадо“.

Ф. К.

Преподобная Евфросинія, княжна Полоцкая.

22 апрѣля совершилось по указу Св. Синода перенесеніе мощей изъ Кіево-Печерской лавры преподобной Евфросиніи, княжны Полоцкой въ г. Полоцкъ. Вспомнимъ посему житіе сей преподобной, съ 1187 г. пребывающей нетлѣнной въ Кіево-Печерской лаврѣ.

Преподобная Евфросинія, въ мѣрѣ Предислава, родившаяся въ 1101 году, была внучкой владѣтельнаго Полоцкаго князя Всеслава Брачиславича и дочерью Святослава Георгія, меньшаго изъ семи сыновей князя Всеслава. Воспитанная въ благочестіи, княжна Предислава имѣла необыкновенную способность и особенную любовь къ чтенію слова Божія.

Ея рѣдкая душевная и тѣлесная красота очень рано, когда ей еще было 12 лѣтъ, стала привлекать многихъ князей, искавшихъ ея руки. Родители намѣревались уже обручить ее одному изъ достойнѣйшихъ молодыхъ князей, но чистое сердце Предиславы пламенѣло любовью къ небесному Жениху — Христу.

Она тайно отъ всѣхъ удалилась въ женскій монастырь, гдѣ игуменіей была тетка ея, блаженная Романа. Въ этой обители она и приняла иноческое постриженіе съ именемъ Евфросиніи. Въ томъ монастырѣ преподобная Евфросинія пребывала въ постоянныхъ подвигахъ поста и молитвы и вмѣстѣ съ прочими инокинями исполняла съ великимъ послушаніемъ всѣ монастырскіе труды.

Спусти нѣкоторое время преподобная Евфросинія испросила у Полоцкаго епископа Ілія разрѣшеніе поселиться въ особой палаткѣ, устроенной при церкви въ честь св. Софіи, подобно Пресвятой Богородицѣ

и другимъ дѣвамъ, жившимъ вблизи храма Іерусалимскаго въ палаткахъ. Въ этомъ жилищѣ она пребывала не малое время, молясь Богу во всѣ дни и ночи и славословія Его. Въ свободное же отъ молитвы время она переписывала свящ. книги, продавала ихъ, а вырученныя такимъ путемъ деньги раздавала нищимъ.

По особому видѣнію, она рѣшилась основать свой собственный монастырь. Святитель Полоцкій благословилъ ее переселиться въ одно загородное мѣсто—Сельце, гдѣ существовала церковь во имя Спасителя, и самое мѣсто это подарилъ ей, чтобы она основала здѣсь женскую обитель. Съ помощію Божіею, обитель скоро устроилась, и въ нее стали стекаться инокнии. Преподобная Евфросинія приняла въ свой монастырь младшую сестру свою Градиславу, нареченную въ иночествѣ Евдокіей, и двоюродную сестру Звениславу, наименованную въ иночествѣ Евпраксіей.

Замѣтивъ, что число сестеръ въ обители день ото дня увеличивается, преподобная Евфросинія, вмѣсто ветхаго деревяннаго храма создала въ своемъ монастырѣ новую благолѣпную каменную церковь во имя Спасителя, устроивъ въ ней по обѣ стороны хоровъ двѣ тѣсныя келіи, гдѣ предавалась богомыслию и уединенной молитвѣ. Этотъ храмъ, сохранившійся доселѣ, называется «Спасъ-Юрьевичъ», своимъ наименованіемъ показывая, что въ построеніи его участвовалъ своими пожертвованіями и отецъ преподобной—князь Юрій.

Для новаго храма преподобная приготовила драгоценный напрестольный крестъ съ дорогими украшеніями, сохранившійся до нашего времени. Для своей обители пожелала преподобная Евфросинія имѣть икону Пресвятыя Богородицы, именуемую „Одигитріей“, именно одну изъ тѣхъ иконъ, которыя написалъ еще святой евангелистъ Лука. Свое желаніе она выразила греческому императору Михаилу Комнени (царствовалъ съ 1143 по 1180 г.) своему родственнику. Императоръ Михаилъ и патріархъ Лука Христовергъ исполнили желаніе преподобной. Получивъ св. икону Богоматери, преподобная украсила ее драгоценной ризой и поставила въ своей Спасской церкви.

Устроивъ обитель свою, давъ ей правила, преподобная Евфросинія уже въ преклонныхъ лѣтахъ рѣшилась выполнить давнее свое сердечное желаніе—посѣтить святыя мѣста Палестины. Въривъ обитель сестръ своей инокнижъ Евдокіи, она отправилась на востокъ, въ сопровожденіи родного брата своего князя Давида и инокнии Евпраксіи. По

пути въ Іерусалимъ, она посѣтила Константинополь, гдѣ поклонилась святынямъ константинопольской Софіи и въ другихъ св. церквахъ многимъ мощамъ святыхъ.

Прибывъ въ Іерусалимъ, она остановилась въ русскомъ монастырѣ Пресвятой Богородицы. Преподобная Евфросинія нѣсколько разъ молилась у Животнаго Гроба Господня и поставила надъ нимъ золотую лампаду. Со слезами она молилась Господу, чтобы онъ удостоилъ ее и скончаться въ святомъ градѣ. Молитва ея была услышана. Обошедши мѣста, ознаменованныя землею жизнію Спасителя, преподобная Евфросинія занемогла и, послѣ двадцати четырехъ дней болѣзни, предала духъ свой Богу 23 мая 1173 года.

Тѣло ея погребено было въ палестинской обители преподобнаго Θεодосія Киновіарха, тамъ, гдѣ были похоронены многія святыя жены. Отсюда святыя мощи преподобной Евфросиніи и перенесены были въ Кіево-Печерскую лавру.

Святитель Іоасафъ Бѣлгородскій

Осенью текущаго года къ сонму русскихъ молитвенниковъ сопричисляется святитель Бѣлгородскій Іоасафъ, память котораго свято читается свыше полутараста лѣтъ всей южной Россіею.

Въ ближайшую сессію св. Синода будутъ рассмотрѣны труды особой комиссіи подъ предсѣдательствомъ курскаго епископа Питирима. Труды комиссіи посвящены были обследованію обстоятельствъ жизни святителя Іоасафа и чудесныхъ исцѣленій у его мощей.

Потомокъ епископа Іоасафа князь Н. Д. Жеваховъ собралъ огромный матеріалъ для описанія житія святителя и составилъ списокъ 227 чудесныхъ исцѣленій, совершившихся по молитвѣ епископа Іоасафа.

Святость еп. Іоасафа выражается въ безграничномъ милосердіи. Строгий ко грѣху, онъ къ людямъ проявлялъ беззавѣтную любовь. Не жалѣя силъ, онъ работалъ, какъ епископъ и государственный человѣкъ, въ своей же частной жизни оставался аскетомъ, помогая втайнѣ, чѣмъ могъ, нуждающимся.

Смѣлая борьба съ неправдой создала ему славу человѣка строгаго и взыскательнаго. Однако, изучая матеріалы его жизни, приходишь къ заключенію, что онъ боролся именно со грѣхомъ, а не съ людьми.

Еп. Іоасафъ родился 8 сентября 1705 г. въ Малороссіи, въ знатной семьѣ Андрея Горленка. Когда мальчику исполнилось 8 лѣтъ, его повезли учиться въ Кіевъ. Въ это время отцу его было видѣніе. Божія Матерь, обратясь къ колѣнопреклоненному его сыну, сказала:

— Довлѣетъ мнѣ молитва твоя!..

Кончивъ ученіе, молодой Горленко рѣшилъ идти въ монастырь, и въ 1725 г. постригся въ монахи.

Послѣ поѣздокъ въ Москву и въ Петербургъ, гдѣ проповѣди его произвели большое впечатлѣніе на императрицу Елизавету, онъ былъ назначенъ намѣстникомъ Троице-Сергіевой лавры, и не мало поработалъ для ея обновленія.

2 іюня 1748 г., вызванный въ Петербургъ, Іоасафъ былъ рукоположенъ во епископа въ Петропавловскомъ соборѣ, въ присутствіи императрицы.

Шесть лѣтъ пробылъ епископъ Іоасафъ въ Бѣлгородѣ, отдавая всего себя своей паствѣ. Труды надломили его здоровье. За 2 года до кончины онъ предсказалъ день своей смерти.

— Излишняя ревность въ началѣ не дастъ мнѣ вѣку дожить, сказалъ епископъ Іоасафъ.

10-го декабря 1754 года онъ скончался, и гробъ съ тѣломъ его, при огромномъ стеченіи народа, положенъ былъ въ склепъ монастырскаго храма.

Для характеристики еп. Іоасафа приводимъ два случая изъ его жизни.

Находясь въ Харьковѣ, епископъ узналъ, что въ мѣстную тюрьму привезенъ генералъ Пассекъ, замѣшанный въ политическомъ дѣлѣ и велѣлъ доставлять заключенному обѣдъ со своего стола.

Объ этомъ доложили губернатору. Тотъ въ гнѣвѣ обратился къ святителю:

— Вы снабждаете врага государства!..

Еп. Іоасафъ, спокойно глядя въ глаза губернатору, сказалъ:

— Если и вы будете въ тюрьмѣ, я и вамъ буду посылать обѣды!..

Губернаторъ зная за собой не мало грѣховъ, упалъ въ ноги епископу и въ слезахъ покаялся.

Другой случай.

Однажды еп. Іоасафу представлялось духовенство. Среди множества духовныхъ лицъ явился и престарѣлый заштатный священникъ. Епи..

скопъ, вмѣсто того, чтобы принять старца первымъ, допустилъ его къ себѣ послѣднимъ.

— Сколько тебѣ лѣтъ?—спросилъ онъ у старца.

— 130,—отвѣчалъ тотъ,—давно уже за штатомъ...

— Скажи, что у тебя на душѣ?

— Не знаю, грѣха не чувствую за собою...

— А ты припомни!..

Въ недоумѣніи стоялъ старецъ... Вдругъ, онъ упалъ на колѣни и воскликнулъ:

— Есть на мнѣ грѣхъ, великій грѣхъ!.. Тому назадъ лѣтъ 60 случилось такъ, что едва я въ праздникъ отслужилъ раннюю обѣдню, какъ ко мнѣ въ церковь прискакалъ посланный отъ нашего помѣщика съ приказаніемъ снова начать обѣдню, такъ какъ сейчасъ пріѣдетъ баринъ.

Великая борьба началась тогда въ моей душѣ. По законамъ церковнымъ священникъ не можетъ служить въ одинъ день двѣ обѣдни, но я зналъ крутой нравъ помѣщика и боялся его побоевъ.

— Господь проститъ мнѣ мой грѣхъ, а помѣщикъ не проститъ непослушанія, рѣшилъ я въ концѣ-концовъ и началъ вторую обѣдню.

Едва я возгласилъ:

— Благословенно Царство...

Вдругъ послышался голосъ:

— Что ты дѣлаешь?.. Остановись, иначе будешь проклятъ!..

Не подумавъ, откуда сей голосъ, я отвѣтилъ:

— Самъ будь проклятъ!..

И благополучно окончилъ службу...

— Знаешь ли ты, кого проклялъ,—произнесъ въ волненіи еп. Іоасафъ.— Ангела-хранителя того мѣста... Проклятіемъ ты связалъ свою жизнь съ ангеломъ, потому и влачишь жалкіе дни въ старости.

Немедля архипастырь выѣхалъ со старцемъ на то мѣсто, гдѣ стояла прежде давно снесенная его церковь, раскинулъ шатеръ и приказалъ ему служить обѣдню. По окончаніи литургіи, онъ велѣлъ старцу прочитать «Нынѣ отпускаеши»...

Съ послѣднимъ словомъ молитвы священникъ палъ мертвымъ.

У гроба святителя преподаются чудесныя исцѣленія. Исцѣлилась,

напримѣръ, 28 сентября одна женщина, на шеѣ и правой щекѣ которой не проходили болѣзненные нарывы. Доктора считали ихъ неизлѣчимыми.

Нарывы превратились въ гноящіяся раны, причинившія больной нестерпимую боль.

Только что я легла спать, рассказываетъ женщина, комната моя озарилась свѣтомъ и я увидала озареннаго сіяніемъ монаха, который, ласково мнѣ улыбаясь, спросилъ меня:

— Почему не пойдешь помолиться къ моему гробу?

Видѣніе посѣтило меня въ слѣдующую ночь, и въ третью.

Я поняла, что это епископъ Іоасафъ велитъ мнѣ пойти въ Бѣлгородъ, въ монастырь, гдѣ покоятся его мощи, и пошла туда. Уставъ съ дороги, я рѣшила переночевать въ Бѣлгородѣ, а утромъ пойти ко гробу.

Ночью святитель снова явился и ласковымъ голосомъ спросилъ зачѣмъ я медлю.

Рано утромъ я отслужила молебень въ нещерѣ у мощей, горячо помолилась, и когда встала съ колѣнъ, была совсѣмъ здорова...

21-го августа 1906 г. мѣщанинъ Ѳеодоръ Митрофановъ, больной саркомой, уже на смертномъ одрѣ исцѣлился отъ приложенія ватки, напитанной масломъ изъ лампы у гроба святителя.

25 сентября 1907 г. крестьянка Агафья Чеканова, 84 лѣтъ, заявила монастырскому начальству, что лишившись мѣсяца два тому назадъ зрѣнія, пришла къ гробу еп. Іоасафа, молилась и мазала глаза масломъ изъ лампы. Зрѣніе снова вернулось къ старушкѣ.

Гробъ еп. Іоасафа какъ былъ открытъ черезъ два года послѣ его кончины, такъ никогда и не закрывался.

Лицо святителя покрыто легкой кисеей, сквозь которую ясно виденъ тонкій профиль римскаго очертанія. Руки, сложенные на груди, открыты, бѣлаго цвѣта и остаются мягкими.

Огромныя массы народа стекаются на поклоненіе мощамъ. У гроба безпрестанно поются панихиды, а каждую недѣлю, по пятницамъ, въ храмъ служатся заупокойныя обѣдни.

Приготовление и освящение мюра.

Въ нынѣшнемъ году, на Страстной седмицѣ Великаго поста въ трапезной церкви Кіево-Печерской лавры, съ понедѣльника до среды совершался обрядъ мюроваренія, а въ Великій четвергъ на поздней литургіи въ Великой лаврской церкви послѣдовало освященіе приготовленнаго запаса мюра. Въ виду исключительности этого обряда, совершаемаго только въ двухъ мѣстахъ въ Россіи—въ Кіевѣ и Москвѣ, и то не ежегодно, считаемъ умѣстнымъ познакомить читателей, хоть вкратцѣ, съ исторіей мюроваренія, а также съ составомъ мюра и порядкомъ приготовления и освященія его.

Употребляемое въ православной церкви въ таинствѣ мюропомазанія, при освященіи церковей и антиминсовъ и при Священномъ Коронованіи православныхъ государей св. муро въ Россіи въ настоящее время готовится и освящается только въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ и Кіево-Печерской лаврѣ. Помазаніемъ этого мюра замѣнено еще во времена апостоловъ употреблявшееся первоначально руковозложеніе для низведенія даровъ Св. Духа (1 Іоан II, 20).

Установленіе обряда освященія мюра св. Василій Великій и нѣкоторые другіе писатели относятъ ко временамъ апостоловъ, но въ какой именно день должно было совершать освященіе мюра, не было первоначально опредѣлено, и только съ V вѣка днемъ для освященія мюра назначенъ былъ Великій четвергъ. Въ Римѣ, напр., въ V вѣкѣ муро освящалось въ Великій четвергъ на одной изъ трехъ положенныхъ въ этотъ день литургій, которая называлась *mess. christmatis*. Право освящать муро принадлежитъ исключительно епископамъ (прав. 6 Карфагенск. собора). Чинъ мюроваренія, какъ и всѣ другія священно-дѣйствія въ Россію перешелъ изъ Византіи, по принятіи христіанства. Оттуда же присланъ былъ въ Кіевъ и первый аловастръ съ мюромъ. Аловастръ этотъ мѣдный, покрытъ снаружи чешуей изъ перламутра; узкое горлышко его завинчивается мѣдной пробкой, называемою шурупомъ. Въ настоящее время аловастръ этотъ находится въ Москвѣ, куда онъ изъ Кіева перенесенъ, какъ полагаютъ, митрополитомъ Фотіемъ (1408—1431 г.); въ немъ св. муро сохраняется неизсягаемо; часть его вливается въ новоприготовленное муро, а этимъ послѣднимъ, по освященіи его восполняется. До XVII в. мюровареніе въ Россіи совершалось или могло быть совершаемо каж-

дымъ епископомъ въ своей епархіи. Это видно изъ хранящагося въ бібліотекѣ Кіево-Софійскаго собора архіерейскаго чиновника, списаннаго въ 1650 г. по повелѣнію епископа Холмскаго Діонисія Балабана, впоследствии Кіевского митрополита (1657—1661 г.), въ которомъ наряду съ другими службами изложено и чинъ муроваренія, чего въ настоящихъ архіерейскихъ чиновникахъ нѣтъ, а также изъ того, что Московскимъ соборомъ 1675 г. между прочимъ постановлено: чинъ муроваренія совершать только въ Москвѣ и Кіевѣ, въ другихъ же епархіальныхъ городахъ, по причинѣ рѣдкости и значительной цѣнности нѣкоторыхъ веществъ, входящихъ въ составъ мура, приготовленіе и освященіе мура воспретить.

Въ Кіевѣ муровареніе съ древнѣйшихъ временъ до 1840 года по большей части совершалось въ Софійскомъ соборѣ, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ промежутковъ времени, когда кіевскіе митрополиты не жили въ Кіевѣ и когда Софійскій соборъ находился во власти уніатовъ. Съ 1843 г. муровареніе стали совершать въ трапезной церкви Кіево-Печерской лавры. На заготовленіе св. мура въ Кіевѣ изъ казны ежегодно отпускается по 306 рублей, но муровареніе обыкновенно производится одинъ разъ въ три года.

Что касается состава мура (по гречески, вытекающей самъ собою сокъ изъ растений), то таковымъ первоначально служилъ чистый елей. Впрочемъ, уже съ VI вѣка на Востокѣ стали примѣшивать къ елею бальзамъ (палестинскій) и ароматическія травы. Но опредѣленнаго состава мура, какъ видно изъ упомянутого выше архіерейскаго чиновника митрополита Діонисія Балабана, до XVII вѣка не существовало. Употреблялись только такія и въ такомъ количествѣ веществъ, какія и сколько можно было найти въ той или другой мѣстности. Главное вниманіе обращено было на то, чтобы вещества были по возможности ароматичнѣе. И только съ начала XVIII вѣка имѣются указанія на опредѣленный составъ мура въ русской церкви. Въ 1726 году въ составъ мура въ Россіи входили 27 веществъ (описаніе синодальнаго архива профессора Н. Барсова), но въ «реестрѣ подлежащимъ къ муроваренію составомъ», приложенномъ къ «чину муроваренія», напечатанному въ 1844 году въ Кіево-Печерской лаврѣ, перечислены только 24 вещества. Въ настоящее же время въ составъ мура, приготовляемаго и освящаемого въ Кіевѣ одинъ разъ въ три года, входятъ нижеслѣдующія веще-

ства и въ такомъ количествѣ: масло прованское 20 пудовъ, бѣлое виноградное вино „кляреть“ 6 ведеръ, стиракъ сухой 2 п., стиракъ жидкій 4 ф., росный ладонъ сіамскій 8 ф., ладонъ простой черный и бѣлый по 5 ф., кардамонъ лучшій 4 ф., бѣлая мастика 8 ф., сандаракъ 2 ф., терпентинъ венеціанскій 12 ф., перуанскій бальзамъ 10 ф., розовые цвѣты 10 ф., травы базилика и маіорановая по 5 ф. и благовонныя масла: мускатное густое 8 ф., мускатное эфирное 2 унціи, бергамотное, левандовое, лигницедровое и розмариновое по 12 унцій, розовое, померанцевыхъ цвѣтовъ, гвоздичное и лигнородійное по 6 унцій и коричневое и маіорановое по 4 унціи. Всего такимъ образомъ 27 веществъ.

Приготовленіе состава мѹра начинается съ Крестопоклонной недѣли Великаго поста. Въ это время часть масла (6 пудовъ) варится съ двумя ведрами вина. Въ разлитое затѣмъ въ банки масло это въ измельченномъ видѣ всыпаются стиракъ, ладоны и душистыя травы. Смѣсь эта настаивается двѣ недѣли, потомъ настой разливается въ сулеи, половина гущи отдѣляется, а другая половина настаивается виномъ. Это вино черезъ четыре дня также сливается въ сулеи. Выжатая же отъ масла стиракъ и ладонъ пока оставляются. Въ Великій поведѣльникъ начинается самое мѹровареніе. Оставшіеся 14 пудовъ масла вливаются въ мѹроварные котлы, куда также вливаются настои травъ и цвѣтовъ и часть вина. Архіерей свершаетъ чинъ освященія воды, послѣ чего окропляетъ св. водой приготовленные къ мѹроваренію матеріалы и котлы и затѣмъ дикиріемъ возжигаетъ огонь подъ котлами. Съ этого времени постоянно чередуясь, находятся при мѹроварныхъ котлахъ священники и діаконы въ облаченіяхъ; священники читаютъ евангеліе, а діаконы мѣшаютъ масло и вино. Процессъ мѹроваренія продолжается до среды. Въ среду въ котлы добавляются стиракъ изъ банокъ съ виномъ и вся выжитая изъ масла стираксовая и ладонная гуща, а также, по мѣрѣ надобности и вино. По окончаніи варки къ мѹру примѣшиваются всѣ означенныя благовонныя масла, бальзамъ, сандаракъ, мастика и терпентинъ, предварительно распущенныя въ настоенномъ на стиракъ маслѣ. Послѣ этого мѹро разливается въ такъ называемыя аловастры, въ которыхъ оно затѣмъ и хранится; крышки аловастровъ обвязываются шнуркомъ и припечатываются.

На слѣдующій день, въ Великій четвергъ, предъ литургіей, архіерей въ полномъ облаченіи, предшествуемый запрестольнымъ крестомъ, съѣ-

чами, ризидами, при колокольномъ звонѣ, въ сопровожденіи многочисленнаго духовенства, изъ Великой лаврской церкви входитъ въ трапезную, гдѣ находится приготовленное для освященія миро. Всѣ аловастры съ миромъ архіерей раздаётъ священникамъ, которыми миро и переносится въ помѣщеніе жертвенника Великой церкви. Затѣмъ совершается литургія. На великомъ входѣ предъ св. Дарами старшій архимандритъ или протоіерей несетъ аловастръ съ преждеосвященнымъ миромъ, а другіе священники несутъ вновь приготовленное миро, предшествуемые діаконами съ ризидами. Архіерей, подойдя изъ алтаря къ Царскимъ вратамъ, прежде всего беретъ отъ старшаго архимандрита аловастръ съ освященнымъ миромъ и поставляетъ его на престолъ, а вновь приготовленное миро вносится въ алтарь самими священниками и поставляется по сторонамъ престола. Самое освященіе мира совершается по освященію Даровъ. Послѣ словъ «И да будутъ милости великаго Бога», архіерей открываетъ каждый аловастръ съ новоприготовленнымъ миромъ, благословляетъ его трижды, произнося: „Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь“: Протодіаконъ говоритъ: „Воименъ“, а затѣмъ „Господу помолимся“, послѣ чего архіереемъ читаются положенія на этотъ случай двѣ молитвы. Въ первой архіерей проситъ Господа Бога о ниспосланіи Св. Духа на миро, а во второй благодаритъ Бога, что сподобилъ его быть служителемъ тайны сей. Затѣмъ трижды благословляетъ каждый аловастръ и закрываетъ ихъ. По окончаніи литургіи освященное миро относится священниками, при пѣніи 44 псалма «Отрыгну сердце мое благо» въ помѣщеніе для храненія мира, каковымъ въ Кіево-Печерской лаврѣ служитъ ризница. Здѣсь въ каждый аловастръ вливается по нѣсколько капель изъ аловастра съ преждеосвященнымъ миромъ, а послѣдній дополняется миромъ новоосвященнымъ. Въ заключеніе всѣ аловастры припечатываются.

(Изъ Кіевлян.)

Съ 12-ти футоваго рейда. Съ плавучей церкви.

(Первые шаги дѣятельности).

...Изъ Астрахани мы выѣхали на плавучей церкви въ великую пятницу въ 12 часовъ ночи послѣ молитвы со всею командой, при сѣверо-западномъ вѣтрѣ. На рейдъ прибыли вмѣсто 10 часовъ утра ве-

дикой субботы только въ 5 часовъ вечера. Утреню и литургію служили въ великую субботу во время плаванія для себя и команды, утреню въ 5 часовъ утра, а литургію въ 11^{1/2}. Поразительно было священное зрѣлище для мимоидущихъ пароходовъ и судовъ, когда мы съ о. Піонізмъ дѣлали торжественное обнесеніе плащаницы вокругъ церкви, сопровождаемое пѣніемъ Святый Боже. По словамъ команды всѣ плившіе въ эти минуты мимо съ благоговѣніемъ крестились и на глазахъ многихъ блестѣли слезы. Нужно сказать, что даже одно появленіе церкви производило у всѣхъ чувство живой радости и всѣ видѣли, какъ всѣ ветрѣчные набожно осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ, поровнявшись съ нашей плавучей церковію. По пріѣздѣ на рейдъ, я отправился на дебаркадеръ общества „Кавказъ и Меркурій“, гдѣ помѣщалась и таможня. Какъ агентъ общества, такъ и таможенный чиновникъ оказали предупредительный пріемъ. Оба они сообщили, что населеніе рейда ждутъ насъ съ среды и предложили свои услуги оповѣстить всѣ суда рейда о приходѣ церкви и о времени пасхальной службы чрезъ особый вѣстовой пароходъ. Агентъ былъ такъ любезенъ, что предложилъ одинъ изъ своихъ пароходовъ къ нашимъ услугамъ для посѣщенія съ св. крестомъ судовъ, расположенныхъ на рейдѣ. Было уже около 7 часовъ, когда я возвратился на судно-церковь. Сѣверо-западный вѣтеръ между тѣмъ значительно усилился и, по словамъ командира, предвѣщаль мало добраго. Дѣйствительно къ 12 часамъ онъ перешелъ въ бурю и началась страшная качка. Двое изъ монашествующихъ во время литургіи должны были оставить свой постъ. Пароходъ стойко выдерживалъ качку. Звонъ къ чтенію дѣяній апостольскихъ начался въ 7^{1/2} часовъ и чрезъ часъ послѣ звона стали на пароходъ прибывать богомольцы. Чтеніе дѣяній продолжалось вплоть до утрени, читали по-очереди послушники и богомольцы. Пасхальная утрени началась въ 12 часовъ; къ этому времени церковь окружало около 10 пароходовъ съ богомольцами. Но на лодкахъ сообщеніе было совершенно невозможно. Благодаря качкѣ и сильному порывистому вѣтру шествіе вокругъ церкви съ пѣніемъ „Воскресеніе Твое, Христе, Спасе“ не имѣло вида: свѣтильники всѣ потухли и пришлось шествовать въ потьмахъ. Вступительное пѣніе „Христосъ Воскресе“ со стихами было произведено на хорахъ и вышло весьма торжественно и радостно. Утрени и литургія, не смотря на неблагоприятныя условія, совершены были съ подобающею торжествен-

ностью; евангеліе пасхальное за литургіей было прочитано троеми съ раздѣленіемъ по статьямъ. Предъ утреней 4 были исповѣданы и одной жончинѣ дана была сороковая молитва. Послѣ утрени совершенно было освященіе сыра и яицъ; за литургіей сподобились причащенія четверо мужчинъ и 6 младенцевъ. Настроеніе молящихся было восторженное, что выражалось ими и въ церкви и особенно на своихъ пловучихъ помѣщеніяхъ по окончаніи служенія молебнаго пѣснопѣнія. Въ 9 часовъ утра за нами пріѣхалъ пароходъ общества „Кавказъ и Меркурій“, на которомъ я съ 4 пѣвцами ѣздили съ молебнымъ пѣніемъ по всѣмъ христіанскимъ дебаркадерамъ и шхунамъ. Службу и пѣніе вездѣ старались совершать со всѣмъ тщаніемъ. Всюду приходилось кромѣ пасхальнаго молебнаго пѣнія служить чинъ малаго освященія воды и кропить всѣ помѣщенія. Пріемъ вездѣ былъ самый радушный и сердечный: мы не дѣлали никакихъ докладовъ, столь обычныхъ въ городахъ, насъ встрѣчали при подѣздѣ или сами хозяева, или командиры шхунъ. Съ молебнымъ пѣніемъ мы ѣздили цѣлый день—до 7 часовъ; времени много уходило на переѣзды, такъ какъ дебаркадеры и шхуны стоятъ другъ отъ друга въ 2—7 верстахъ.

На второй день Св. Пасхи утреню служили на томъ же мѣстѣ, а литургію—при больницѣ, стоящей вдали отъ другихъ судовъ. За литургіей былъ врачъ съ женой и вся мѣстная прислуга. Послѣ литургіи служили молебенъ въ самой больницѣ и кропили св. водой все помѣщеніе. Въ 10 часовъ утра церковь наша направилась въ Синеморскіе стоянки, куда прибыла во вторникъ часовъ въ 10 утра. Во время пути совершены были вечерня, утреня и литургія. Съ 10 часовъ началось служеніе торжественныхъ молебновъ на шаландахъ Сторожева, Лбова, Красильникова и Беззубикова. На молебны рабочіе являлись, какъ одинъ человекъ, и нѣкоторые во время молебновъ и поученій проливали слезы радости и умиленія. Служеніе молебновъ съ переходами отъ одной шаланды до другой продолжалось до 8 часовъ вечера: рабочіе покупали свѣчи и съ началомъ службъ подевѣчники заполнялись свѣчами.

Четвертый день начался служеніемъ утрени на пути къ шаландѣ Мельникова, гдѣ по пріѣздѣ былъ отслужено торжественное молебствіе. Служащіе и рабочіе во главѣ съ хозяиномъ наполнили всю церковь и хоры. Подъемъ религіознаго воодушевленія отражался на лицахъ боль-

шинства. Отсюда перешли къ шаландѣ Беззубикова, гдѣ по желанію завѣдующаго отслужена была литургія и молебень послѣ оной. Отъ Беззубикова по приглашенію рыбаковъ с. Пушкина перешли на 108 номеръ, гдѣ служеніе молебновъ продолжалось до 7 часовъ вечера. Ночевать перешли къ шаландѣ Черняка.

Въ четвергъ отслуживъ утреню, подъѣхали къ шаландѣ Черняка—сврея, который съ предъупредительностью просилъ совершить для его служащихъ молебень. По окончаніи молебна мы приглашены были сюда на вечеръ для служенія всенощной. Въ этотъ день мы двигались по направленію линіи расположенія рыбаковъ и по мѣстамъ служили молебны. Въ вечеру мы вернулись на шаланду Черняка, гдѣ въ 8 часовъ вечера, когда были закончены работы, была отслужена съ вечера утреня, а по ней молебень съ акафистомъ Свят. Николаю. Вотъ здѣсь то пришлось убѣдиться, что молодое поколѣніе даже приморскихъ сель не на столько испорчено, чтобы оставаться глухимъ къ религіозному воздѣйствованію. Не смотря на труды съ 5½ часовъ утра и до 8 час. вечера, ко всенощной явилось много молодыхъ дѣвушекъ, которыя съ примѣрнымъ усердіемъ молились не только всю утреню, но и довольно продолжительный молебень съ акафистомъ.

Изъ этого краткаго описанія можно убѣдиться, что святое дѣло религіознаго обслуживанія рыбаковъ въ сѣверномъ Каспій имѣетъ за собою будущность и, если дѣло службы Господеви и проповѣди евангельской будетъ поставлено на надлежащую высоту, принесетъ значительную пользу люду, лишенному столь мѣтъ благодатнаго утѣшенія церкви Христовой. (*Изъ письма протоіеря Петра Горозова на имя Преосвященнѣйшаго Георгія Епископа Астраханскаго*).

Изъ мѣстной Епархіальной хроники.

Избраніе протоіеря Н. Г. Пальмова въ почетные Члены Божоявленскаго Братства при Кіевской Духовной Академіи.

Въ апрѣльской книжкѣ *Трудовъ Кіевской Духовной Акад міи* за текущій годъ, въ „Отчетъ о состояніи Божоявленскаго Братства при Кіевской Духовной Академіи за 1909 годъ“ (см. приложение, стр. 11—12)

напечатано, что 31 декабря 1909 г., на Общемъ Собраніи Братства, преосвященный епископъ Θεодосій, ректоръ Кіевской Духовной Академіи и председатель Братства, между прочимъ, предложилъ на обсужденіе вопросъ объ избраніи въ Почетные Члены Братства двухъ лицъ: преосвященнаго епископа Никандра, Викарія С.-Петербургской епархіи, и *Члена Астраханской Духовной Консисторіи, протоіеря Николая Гавриловича Пальмова*. Собраніе единогласно постановило избрать предложенныхъ преосв. Θεодосіемъ лицъ въ Почетные Члены Братства. 14 января 1910 года избраніе было утверждено высокопреосвященнымъ владыкою Флавіаномъ, митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ, а 22 января протоіерю Н. Г. Пальмову, при особомъ отношеніи преосвящ. епископа Θεодосія, былъ препровожденъ дипломъ на званіе Почетнаго Члена Кіево-Богоявленскаго академическаго Братства.

Священникъ Казанской церкви, села Старицы. Черноярскаго уѣзда Дмитрій Саввичъ Рязанскій.

(† 14 марта 1910 года).

14 марта 1910 года, въ 4 часа вечера волею Божіею скончался послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни священникъ Казанской церкви села Старицы, Черноярскаго уѣзда Дмитрій Саввичъ Рязанскій, — онъ же и духовникъ духовенства 1-го округа Черноярскаго уѣзда, на 52 году своей жизни. Покойный священникъ Дмитрій Саввичъ Рязанскій — сынъ діакона, уроженецъ Тамбовской губерніи, родился въ 1857 году. Въ 1872 г. окончилъ курсъ во 2-мъ Тамбовскомъ училищѣ; 1886 г. мая 30 дня опредѣленъ къ Царевскому Христо-Рождественскому собору на псаломническое мѣсто; 1890 г. 23 октября резолюціею Его Преосвященства опредѣленъ былъ экономомъ Астраханской Духов. Семинаріи; 1890 г. ноября 9 дня рукоположенъ былъ во діакона Преосвященнѣйшимъ Павломъ къ Спасо-Преображенской церкви Астрах. Дух. Семинаріи; съ 1890 г. 23 октября и по 1898 г. 10 февраля на основаніи 94 ст. Устава Духовныхъ семинарій состоялъ непремѣннымъ членомъ распорядительнаго собранія Правленія Семинаріи; 1898 г. 28 февраля рукоположенъ во священника Преосвященнѣйшимъ Сергіемъ къ Старицкой Казанской церкви; съ 1898 г. состоялъ завѣдывающимъ и законоучи-

телемъ Старицкой мужской церковно-приходской школы; 1905 года 28 марта Его Преосвященствомъ за усердное служеніе церкви Божіей награжденъ набедренникомъ; 1908 г. 10 сентября согласно указу Астрах. Духов. Консисторіи за № 9390 утвержденъ былъ въ должности духовника духовенства I-го округа Черноярскаго уѣзда; состоялъ членомъ Миссіонерскаго общества и Кирилло-Меѳодіевскаго Братства; въ память царствованія Государя Императора Александра III имѣлъ серебряную медаль. Послѣ покойнаго о. Рязанскаго остались жена и 5 человекъ дѣтей, изъ коихъ два сына учатся въ Астрах. Духовной Семинаріи, одинъ сынъ—въ Духовномъ училищѣ, одна дочь—въ Астрах. Епарх. женскомъ училищѣ и одна дочь малолѣтняя. Покойный хворалъ ровно три мѣсяца; за это время онъ неоднократно былъ напутствованъ Св. Тайнами и одинъ разъ соборованъ. Но вотъ наступилъ роковой день—воскресеніе 14 марта. Еще послѣ утрени, по желанію покойнаго, онъ снова былъ напутствованъ Св. Тайнами своимъ сослуживцемъ о. Гранитовымъ,—а въ 3½ часа по полудни покойный пожелалъ, чтобы надъ нимъ была прочитана „отходная“,—что и было совершено тѣмъ же сослуживцемъ. Въ 4-ре же часа вечера, только что начался благовѣсть къ вечерни, покойный тихо скончался отъ «порока сердца», какъ признано было раньше врачами. Во время вечерни заунывные удары колокола возвѣстили прихожанамъ о смерти уважаемаго пастыря. Тотчасъ же по окончаніи вечерни все прихожане и даже малые дѣти густой вереницей потянулись къ священническому дому, чтобы воочию убѣдиться въ томъ, что ихъ пастырь дѣйствительно покинулъ ихъ и отошелъ въ другой міръ, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія. Тяжело было на сердцѣ каждого изъ прихожанъ; все съ полными слезъ глазами и громкими рыданіями только и твердили одно: «царствіе небесное батюшкѣ о Дмитрію! Смирный, кроткій былъ онъ!» Въ 6 час. вечера его сослуживцемъ священникомъ о. Константиномъ Гранитовымъ вмѣстѣ съ діакономъ было совершено отираніе тѣла покойнаго елеемъ, а затѣмъ, по облаченіи его въ священническія одежды, была совершена первая панихида при многочисленномъ стеченіи народа. День погребенія назначенъ былъ на 16 марта. Въ этотъ день къ 8 часамъ утра прибыли: о. благочинный I-го округа Черноярскаго уѣзда протоіерей Михаилъ Бѣлоземцевъ, уѣздный наблюдатель церковныхъ школъ Черноярскаго уѣзда священникъ Ксенофонтъ Цендровскій, священникъ села Падовъ,

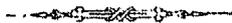
Черноярскаго уѣзда о. Іоаннъ Ильинскій, священникъ села Вязовки того же уѣзда о. Сергій Осиповъ съ діакономъ Добровымъ и псаломщикомъ Степановымъ.

Наканунѣ дня погребенія, по распоряженію о. благочиннаго, пріѣхали изъ Чернаго-Яра соборный діако́нъ Беневскій и псаломщикъ Сидоровъ. А въ самый день смерти въ 9 часовъ вечера пріѣхалъ іеромонахъ изъ Зубовскаго Воскресенско-Мурносицкаго женскаго монастыря о. Родіонъ. Въ 9½ часовъ утра 16 марта послѣ панихиды тѣло почившаго было положено во гробъ и торжественно при участіи 5-ти священниковъ, трехъ діаконовъ, во главѣ съ мѣстнымъ о. благочиннымъ и при полномъ собраніи всѣхъ прихожанъ было перенесено въ храмъ къ самому началу службы. Въ этотъ день, по случаю погребенія, была совершена литургія преждеосвященныхъ даровъ. Въмѣсто запричастнаго стиха надгробное слово было сказано о. благочиннымъ протоіереемъ Михаиломъ Бѣлоземцевымъ. По окончаніи литургіи, предъ самымъ отпѣваніемъ была произнесена рѣчь сослуживцемъ покойнаго священникомъ о. Константиномъ Гранитовымъ. При трогательно-умилительномъ пѣніи сонма священнослужителей совершался торжественный чинъ погребенія, во время котораго послѣ 6-й пѣсни канона была сказана надгробная рѣчь священникомъ села Вязовки о. Сергіемъ Осиповымъ.

По окончаніи отпѣванія гробъ почившаго подъ почальный перезвонъ колоколовъ, подъ сѣнью хоругвей и иконъ, при стройномъ пѣніи прмосовъ Вел. каона „Помощникъ и покровитель“, на рукахъ священнослужителей былъ вынесенъ изъ храма къ мѣсту вѣчнаго упокоенія. Вся площадь и церковная ограда были запружены многочисленнымъ народомъ, который пришелъ сказать своему умершему кроткому пастырю „последнее прости“. Всѣ плакали, плакали даже навзрыдъ. Наконецъ, процессія съ гробомъ почившаго пастыря—у могилы въ оградѣ мѣстнаго храма съ восточной стороны. Здѣсь по совершеніи краткой литіи и по преданіи тѣла землѣ, гробъ съ бранными останками почившаго тихо опустили въ могилу, которая на вѣки сокрыла отъ скорбныхъ взоровъ окружающихъ дорогой прахъ о. Дмитрія.

Миръ праху твоему, дорогой мой сослуживецъ и духовникъ, о. Дмитрій!

Свящ. Конст. Гранитовъ.

Библиографическая замѣтка.

Новое еженедѣльное изданіе Троицкой Сергіевой Лавры.

Великая Лавра Преподобнаго и Богоноснаго Отца нашего Сергія 12-го минувшаго января молитвенно воспомянула великія дѣла Божіи, надъ нею совершившіяся ровно триста лѣтъ тому назадъ. Возстали въ памяти нашей дивныя образы великихъ героевъ духа и несокрушимой вѣры, раскрылись предъ нами безцѣнные для русскаго сердца страницы родной исторіи; прошли свѣтлыя видѣнія, витавшія въ стѣнахъ славной обители Сергіевой въ вѣчнопамятные дни ея осады.. Встрепенулось русское сердце какимъ-то давно неизвѣданнымъ, но роднымъ чувствомъ любви къ своимъ завѣтнымъ святынямъ и рвется оно къ стародавней старинѣ, и проситъ русская душа подышать тѣмъ воздухомъ, какимъ дышала русскій человекъ во дни оны древніе...

А чѣмъ онъ дышалъ?

О, конечно—беззавѣтной любовью къ Церкви-матери, къ Православному Царю, къ родной землѣ святорусской... Востоквалося нынѣ русское сердце безъ этой любви; опротивѣли ему всѣ эти современные „вѣянія“, всѣ эти на западъ давно изношенные, а намъ нынѣ врагами подброшенные, лоязью пропитанныя идеи „свободы, равенства, братства“, опротивила вся эта духовная муть, отъ которой душно и тошно стало жить на Руси! Скорѣе—къ роднымъ завѣтамъ старины, скорѣе—въ нѣдра матери Церкви, туда, гдѣ вѣетъ Духъ Животворящій, гдѣ живымъ благодатнымъ ключемъ бьетъ настоящая, истинно-человѣческая жизнь, жизнь богоподобнаго духа, гдѣ ярко свѣтятся идеалы вѣчности...

Не мертвымъ, бездушнымъ памятникомъ хотѣла бы обитель Преподобнаго Сергія ознаменовать трехсотлѣтіе своего освобожденія молитвами Преподобнаго отъ вражьей осады: она хотѣла создать живой памятникъ великимъ носителямъ русскаго народнаго духа, пустить по лицу родной земли скромнаго, но беззавѣтно своему святому дѣлу преданнаго мирнаго борца за тѣ святыя идеалы, коими жили и духомъ живы были наши предки, коими крѣпка была наша матушка Русь православная, коими она и царствія побѣждала и седьмую часть міра завоевала. Враги Церкви и Отечества ничего не жалѣютъ, чтобы смутить народную душу и увлечь русскаго человека къ измѣнѣ своей вѣрѣ, а затѣмъ и Царю

и Отечеству, и отравляютъ народъ ядомъ сектанства, социалистическихъ бредней до безбожія включительно: пусть же нашъ вѣстникъ, наше ежедневное. **Троицкое Слово** противоѣдствуетъ этой отравѣ по мѣрѣ своихъ силъ, давая здоровую духовную пищу православнымъ; пусть оно ходитъ отъ хаты до хаты крестьянской и отъ жилищъ смиреннаго пастыря до роскошныхъ палатъ еще своей вѣрѣ неизмѣнливихъ русскихихъ бояръ; пусть оно рассказываетъ всѣмъ, кто въ томъ нужду имѣетъ, всю духовную красоту и полноту положительнаго ученія нашей матери Церкви Православной и предостерегаетъ противъ всякихъ лжеученій какъ въ области вѣры, такъ и въ области духовной и общественной жизни. Пусть оно будетъ живымъ, неумолкающимъ откликомъ на Монаршіи привѣтъ, выраженный Лаврѣ въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя ея Настоятеля, Митрополита Московскаго, и на Царское „сердечное пожеланіе, да не оскудѣваетъ она и впредь, по ходатайству великаго подвижника земли Русской, Преподобнаго Сергія, духомъ иноческаго благочестія и духомъ благой ревности о сохраненіи спасительныхъ завѣтовъ прошлаго, во славу Святой Церкви Православной и ко всемѣрному утвержденію нравственной мощи Народа Русскаго“.

Вотъ приблизительно программа сего изданія:

I. *Благодатное Слово*: выписки изъ твореній святоотеческихъ. Слово отъ опыта — что живая вода, утоляющая жажду души, тогда какъ слово безъ опыта — вода, написанная на стѣнѣ. Иногда одно святоотеческое выраженіе, ударивъ въ сердце, подобно слову Божию, надолго остается въ немъ, какъ сѣмя благодатное и возвращаетъ плодъ во спасеніе. Если, какъ надобно думать, у каждаго инока и даже послушника имѣются всегда подъ руками писанія святоотеческія, то нельзя сказать сего о мірянахъ, къ сожалѣнію, такъ мало знакомыхъ съ святоотеческой литературой. Заронить въ сердце такое благодатное сѣмячко, дать мірянину отвѣдать сладости святоотеческихъ писаній и имѣть цѣлью этотъ отдѣлъ нашего изданія.

II. *Старческое Слово*. По своему благотворному дѣйствию оно близко подходитъ къ святоотеческому слову. Здѣсь дадимъ мѣсто выдержкамъ изъ писаній извѣстныхъ старцевъ-подвижниковъ, ихъ писемъ, дневникамъ, наставленіямъ и под.

III. *Толкованіе на священное писаніе* и особенно на тѣ мѣста, которыя искажаются въ смыслѣ врагами Православной Церкви—еретиками и сектантами. Съ Божіею помощію, за молитвы великаго толкователя слова Божія святителя Теофана, мы надѣмся дать читателямъ сжатое толкованіе на посланія Апостола Павла, особенно потребное въ наше время всяческихъ лжетолкованій, но въ изложеніи святителя Теофана мало доступное народу какъ по цѣнѣ, такъ и по обширному своему объему: оно заключаетъ въ себѣ до 10 томовъ. Мы остановимся особенно на пререкаемыхъ мѣстахъ посланій сего великаго Апостола и такимъ образомъ надѣмся дать читателямъ благодатное оружіе на враговъ нашей православной вѣры.

IV. *Подвижничество во Христѣ*. Жизнеописанія болѣе близкихъ къ намъ по времени подвижниковъ, воспоминанія о нихъ, ихъ письма и разные матеріалы для ихъ біографій.

V. *Явленія Божией благодати въ наше время*. Чудеса промысла Божія, служащія къ укрѣпленію вѣры.

VI. *Отвѣты на запросы духовной жизни*. Поученія. Положительное раскрытіе ученія православной Церкви и апологія (защита) православія.

VII. *Мой дневникъ*. Забѣтки редактора по вопросамъ церковной и общественной жизни.

VIII. Переписка съ читателями.

IX. *Троицкая летопись*. Наиболѣе достойныя вниманія событія въ жизни Троицкой Сергіевой лавры.

X. *Книжная летопись*. Забѣтки о книгахъ, достойныхъ вниманія и предостереженіе отъ книгъ, вредныхъ и пустыхъ по содержанию.

Цѣна за 50 №№ въ годъ съ пересылкою *одинъ* рубль.

„Троицкое Слово“ исходитъ на дѣланіе свое въ многотрудныя, но и знаменательныя для Церкви и Отечества дни. Исполнилось трехсотлѣтіе приснопамятныхъ подвиговъ иноковъ-защитниковъ Лавры. Приближаются не менѣе поучительныя для русскаго человѣка юбилеи: избавленія Москвы отъ поляковъ въ 1612 г., изгнанія французовъ изъ той же первопрестольной столицы въ 1812 г., избранія на царство благословеннаго юноши

Михаила Ѳеодоровича, родоначальника благополучно царствующаго нынѣ Дома Романовыхъ въ 1613 году... Сколько великихъ историческихъ воспоминаній! Сколько побужденій для русскаго человѣка оглянуться назадъ, помянуть дни древніе и поучиться! И какъ благовременны эти историческія воспоминанія въ такое смутное время, какъ наше, когда всѣ устои нашей государственной и церковной жизни колеблются, когда враги Церкви и Отечества всѣми силами стремятся подмѣнить наши завѣтные идеалы, пытаются перевоспитать русскую душу на иноземный ладъ, обезличить Русскій великій народъ... Кому дорога Церковь православная, кому дорога родина-мать и родной народъ, тотъ не можетъ не видѣть особеннаго дѣйствія промысла Божія въ совпадении. Они властно зовутъ насъ *домой*, къ завѣтной старинѣ, они указываютъ намъ путь спасенія въ примѣрѣ нашихъ предковъ; они побуждаютъ насъ всѣми силами бороться съ тѣми идеями, которыя насильственно врываются, какъ ядовитый туманъ, какъ зараза, какъ эпидемія, въ нашу народную душу... Скромнымъ, мирнымъ борцомъ выступаетъ наше „Троицкое Слово“ въ ряду подобныхъ ему изданій, на защиту православной вѣры и отечества. Оно будетъ путемъ печатнаго слова продолжать то святое дѣло, которое творили наши присноблаженные предки Троицкіе иноки въ смутную эпоху самозванщины и междуцарствія, укрѣпляя вѣру православную, возбуждая любовь къ Царю и Отечеству, раскрывая сокровища нашей народной души для тѣхъ, кто не видитъ ихъ... Итакъ, съ Богомъ—за святое дѣло! Преподобне отче Сергіе, благослови наше доброе начинаніе во славу Божию, на пользу Церкви Православной и Русской землѣ, а намъ, смиреннымъ дѣлателямъ, во спасеніе души!..

Редакторъ *НИКОНЪ* Епископъ Вологодскій и Тотемскій.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

Содержаніе книгъ „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторій и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ“ за 1910 годъ *).

Книга 1-я.—I. Сочиненіе XVIII вѣка противъ епископовъ. Съ предисл. чл.—соревн. *В. И. Саввы*.—II. Земское самоуправленіе на русскомъ Сѣверѣ въ XVII вѣкѣ. Д. чл. *М. М. Богословскаго*. Съ прилож. карты Поморскаго края въ XVII вѣкѣ.—III. Изъ бытовой исторіи XIX вѣка. Сообщ. д. чл. *Н. Н. Оглоблинъ*.—Изъ документовъ Сибирскаго приказа, сообщ. † д. чл. *А. Н. Зерцаловымъ*.

Книга 2-я.—I. Дневныя записки о путешествіи російско-императорскаго посольства въ Персію въ 1816 и 1817 годахъ, веденныя совѣтникомъ этого посольства *А. Е. Соколовымъ*. Съ предисл. *А. С. Ермолова*.—II. Собраніе рукописей Московскаго Симонова монастыря. (Съ 1 фототип). Д. чл. *Н. П. Попова*.—III. Реляція или обстоятельное описаніе ужаснаго и печальнаго разрушенія и сожженія, варварски произведеннаго москвитами и казаками при взятіи прекраснаго города Люблина. 1656 г. Сообщ. *И. С. Рябининъ*. (Съ 1 литограф.).—IV. Изъ исторіи русской драмы. Школьныя дѣйства XVII—XVIII вѣковъ и театръ іезуитовъ. Изслѣдованіе *В. И. Рязанова*.—V. Отношеніе воеводъ и дьяковъ въ сибирскихъ городахъ Мангазеѣ и Якутскѣ. 1639—1644 гг.—Челобитная ярославца торговаго чбловѣка Скрипина на Ивана Кобыжскаго, товарища воеводы въ гор. Томскѣ. 1640 г.—Въ гаданіямъ по Псалтири. Д. чл. *М. Н. Сперанскаго*.—Похвальное слово Лихудовъ царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ. 17 сент. (около 1686 г.). Сообщ. *Е. Лермонтова*.—Грамота императрицы Екатерины II Ираклію, царю Карталинскому и Кахетинскому, съ приглашеніемъ его принять участіе въ Турецкой войнѣ. 16 декабря 1766 г. Сообщ. д. чл. *А. С. Хазановъ*.—О ссыльных въ Сибири 1640—1643 гг.—О сыскѣ бѣглыхъ крестьянъ въ Сибири 1644 г. Изъ матеріаловъ, сообщ. † д. чл. *А. Н. Зерцаловымъ*.

Сообщилъ Н. Л.

*) Содержаніе „Чтеніе“ за 1909 годъ помѣщено въ „Астраханскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ 1909 г., №№ 12 и 24.

Качество и
цѣны въ
конкуренціи.

„ДИРА“

Продажа безъ
запроса и безъ
уступки.

СПЕЦИАЛЬНО

МУЗЫКАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ

(около Губернаторскаго сада, Ахматовская ул., д. Агамжанова,
рядомъ съ электро-театромъ „Мефистофель“).

Обширѣйшій складъ

ГРАММОФОНЫ.

ПАТЕФОНЫ.

ПЛАСТИНКИ

(большой выборъ духовнаго пѣнія)

Только первоклассныхъ фирмъ.

ЭОЛИАНЫ—дивное изобрѣтеніе! это фисгармоніи,
на которыхъ каждый можетъ исполнять
самыя трудныя, классическія пьесы, не умѣя играть.

ЭСТЕЙ—знаменитыя фисгармоніи.

СМИДТЬ и ВЕГЕНЕРЪ—лучшія
въ Россіи концертныя піанино; только 500 руб.

Нани №№ скрипокъ, мандолинъ, гитаръ, балалаекъ, гармоній
—давно въ Астрахани зарекомендованы съ наилучшей стороны.

СТРУНЫ марни „Stier“

Ноты 6 к.

Ноты 7 к.

Вышла изъ печати новая книга:

Н. Пальмовъ.

Воскресенско-Мироносицкій женскій общежительный монастырь
въ Астраханской губерніи вблизи г. Чернаго-Яра.

Краткое историческое описаніе. Съ 33 фототипическими снимками. Стр.
144. 1910. Кіевъ. Можно покупать въ монастырь. Цѣна 2 руб.

Вышла въ свѣтъ новая книга:

УРОКИ

по Христіанскому Православному Катихизису.

Пособіе для учениковъ IV и V кл. гимназій и реальныхъ училищъ.
Составилъ по Православному Катихизису Православныя Каѳолическія
Восточныя Церкви законоучитель Астраханскаго реального училища
магистръ богословія, протоіерей Іоаннъ Саввинскій. Астрахань. 1910.

ЦѢНА 40 КОП.

Продается въ Астрахани у составителя и въ Епарх. Книжномъ Складѣ.

Содержаніе отдѣла официальнаго: Епархіальныя извѣстія.

Содержаніе отдѣла неофициальнаго: Какъ учатъ баптисты и что они
говорятъ на бесѣдахъ (продолженіе).—Въ защиту церковно-славянскаго языка (продол-
женіе).—Изъ исторіи Астраханской епархіи.—Архимандритъ Павелъ (Прусскій) и его
значеніе въ исторіи полемики съ расколомъ.—Преподобная Евфросинія, княжна По-
лоцкая.—Святитель Іоасафъ Бѣлгородскій.—Приготовленіе и освященіе мѣра.—Съ 12-ти
футоваго рейда—съ плавучей церкви.—Изъ мѣстной епархіальной хроникки.—Священ-
никъ Казанской церкви, села Старицы, Черноярскаго уѣзда Дмитрій Саввичъ Рязан-
скій.—Библиографическая замѣтка.—Объявленія.

Редакторъ *Иванъ Литвицкій.*

Печатать дозволяется. Цензоръ, Протоіерей Николай Пальмовъ.

Шаровая Губернская Типографія.